

SURVARIUM

The poster features a central image of a Venus flytrap (Dionaea muscipula) inside a glass terrarium. The plant is illuminated from within, casting a warm, yellowish glow. The terrarium is set against a dark, textured background that resembles a stone or concrete wall with a jagged opening. The overall aesthetic is gritty and atmospheric.

ВИКТОР НОЧКИН

ВЕКТОР УГРОЗЫ

Часть вторая

Живые деревья

Глава четвертая

Выдох Имира

Овраг оказался длинным и извилистым. Беглецы добрались до дальнего от семнадцатого цеха конца и затаились, прислушиваясь. Вроде бы никто их не преследовал, а стрельба позади так и не стихла. Одиночные выстрелы перемежались короткими очередями, иногда пауза затягивалась, но потом перестрелка вспыхивала снова.

– Патроны, что ли, у них лишние, – проворчал Швед. – А вот у меня пусто. Вояки все выгребли.

– И ножи, – вспомнил Алекс. – Зачем тебе столько ножей?

– Ножи такая штука, что их всегда мало... Рано или поздно приходит момент, когда ты жалеешь, что под рукой нет приличного клинка, и приходится хватать осколок стекла. А этот момент придет, точно тебе говорю. Автомат свой проверь.

Швед снова стал прежним – обстоятельным, рассудительным. Алекс осмотрел автомат, взятый у кочевника.

– Полный магазин.

Яна сперва молча слушала, потом ей надоело, и она выбралась наверх – сунулась в кусты, скрывавшие край оврага.

– Стой, куда! – шикнул Швед и, ухватив девушку за крутку, потянул обратно. – Жди. Жди, пока что-то начнется. Ты же слышишь, как они перестреливаются? Ждут чего-то.

Последняя реплика Шведа утонула в грохоте разрывов. Гранаты рвались одна за другой, потом дружно ударили несколько десятков стволов.

– Вот теперь пора! – Швед повысил голос, чтобы перекричать

стрельбу, – армейцы на прорыв пошли!

Беглецы дружно двинулись сквозь заросли. Метрах в пятидесяти от кустов расположились кочевники с повозками и байками – те, кто не принимал участие в штурме. Они прислушивались к звукам стрельбы, потом старший отдал приказ, несколько человек побежали к цеху, другие остались с лошадьми. Животных беспокоила стрельба, их приходилось успокаивать, поэтому оставшиеся кочевники по сторонам не глядели.

– Ходу отсюда! – бросил Алексу Швед.

Яна уже бежала, и мужчины бросились следом. Они мчались не останавливаясь, следом за Яной влетели в березовую рощицу. И только когда их скрыла узорчатая тень молодых деревьев, остановились.

– Куда теперь? – переводя дух, спросил Алекс. – Надо бы убираться отсюда поскорее. Где на карте капитана ближайшая отметка?

– погоди с картой, – в своей рассудительной манере заговорил Швед. – Сперва ко мне завернем, запасемся в дорогу. Патроны, там, то-се, что в дороге необходимо. Пока Батка на Химзаводе занят, у нас время есть в запасе. Так я мыслю.

Алекс кивнул. Он привык путешествовать налегке, но Швед прав: по крайней мере, патронами запастись необходимо. И книги... Эх, он же хранит у отшельника найденные во время странствий книги! До сих пор казалось, что дом Шведа – самое надежное место, а теперь? Теперь туда наведается Черный Рынок. Кочевникам книги ни к чему, тем более такие заумные, которые стащил в Шведов подвал Алекс. Но ведь порвут и раскидают, это как пить дать. Эх, пропала библиотека...

Яна словно угадала, о чем думает Алекс, и заявила:

– Швед, а ведь Батка точно пошлет к тебе своих людей. Не сразу, конечно, а когда с армейцами покончит. Нам спешить надо.

– Поспешим, – кивнул Швед. – Приготовь свою красивую флягу.

– Это зачем еще?

– Язык Леса впереди, забыла? Если хотим кочевников опередить, то придется напрямик шагать.

– Э, дядя, я не хочу в Лес... и у меня мало совсем осталось, во фляге в этой.

Швед уставился на Яну. Она не выдержала этого долгого взгляда и

махнула рукой:

– А, ладно! Так и быть, вот она, фляга.

Алекс подмигнул:

– Что, жалко делиться? А в компании всегда так. Ох, пожалеешь, что с нами связалась...

– Ничего мне не жалко, – надулась Яна. – Просто... а какая, по-твоему, в этом «Векторе» добыча должна быть? Ого-го какая?

– Да ты расчетливая, – буркнул Швед, обгоняя молодых спутников.
– Уже прикинула, как расход вернуть. – Не беспокойся, если будет что-то ценное, то лично мне не много нужно – только моя память. Остальное вам с Алексом.

– Мне книги, – вздохнул Алекс.

– Я знала, что не ошиблась с компанией, – удовлетворенно заявила Яна. – Одному память, другому книги. Ну а мне все остальное. Я покладистая, я согласна.

Они шутили, чтобы отогнать тягостные мысли, – Алекс уж точно. На самом деле его беспокоил предстоящий путь через Лес. Мало ли что Яна болтает о зелье крайних! А вдруг оно не подействует? В конце концов, жители Края проходят инициацию, какой-то обряд, так Алекс слышал. Может, без этого зелье не подействует? Или вдруг оно выдохлось? Может, только свежее нужно. Правда, Яна прошла за ними подземным коллектором, – только напиток ей помог или просто повезло? Думать об этом не хотелось, поэтому Алекс охотно поддерживал беседу, отвлекался.

Но вот впереди выросла темная хмурая стена – деревья казались старыми, хотя Алекс знал, что им самое большее месяц от роду. Однако стволы вытянулись ввысь, опушка заросла кустами, а позади кустов царила темень. Кроны деревьев раскачивались, шумели под крепнущим ветром, и Алексу чудилась в этих звуках угроза. От Леса всегда исходила эта тяжелая отталкивающая аура...

– Ну что, будем пить отраву крайних? – спросила Яна, скидывая рюкзак.

Алексу показалось, что ее голос дрогнул. Несмотря на свою браваду, девушка тоже ощущала исходящий от Леса тяжелый дух чуждости.

Швед свернул и побрел вдоль кромки зарослей, вглядываясь в ку-

сты. Над лесом шумел ветер, но внизу, у подножия деревьев, было спокойно.

– Что ты высматриваешь? – спросил Алекс, поравнявшись с отшельником.

– Проход в кустах. Не хочу в эти заросли соваться.

– А что там?

– Не знаю, что там, кусты слишком густые. Что там... Не хочу узнавать на своей шкуре. Вон, гляди, там кусты расступаются, и мы пройдем. Давай, Яна, свое пойло. Эх, давно меня девушки выпивкой не угощали!

– Только вы немного, по глотку, не больше! – предупредила Яна. И первой отхлебнула из фляги – совсем чуть-чуть.

Когда подошла очередь Алекса, он осторожно влил в рот немного жидкости, на миг ощутил пряный резкий вкус во рту и быстро проглотил. Действовать зелье начало быстро. В глазах потемнело, почудился странный призрачный шепот... потом Алекс понял, что посторонних шумов вовсе нет, просто он отчетливей различает шорох листьев над головой. Все звуки сделались четче и явственней, слышались как-то иначе.

Протягивая флягу Яне, он заметил, что девушка морщится и щурит глаза. Хотя она пробует этот напиток не впервые, но, видимо, еще не привыкла.

– Идем, – кивнул Швед.

Яна вытащила пистолет.

– Это что у тебя за ствол? – заинтересовался Швед. – Неужто вальтер? Ну, точно, полицейский укороченный! Ему лет семьдесят, не меньше! Где ты его раскопала?

Яну вопрос неожиданно задел:

– Где надо, там и раскопала, – сердито огрызнулась она. – Отсюда не видно!

Потом тяжело вздохнула, остывая, и тихо добавила:

– Это мамин. Не надо больше спрашивать, я не люблю об этом вспоминать.

Алекс кивнул, но Швед не отставал:

– А патрон какой? 7,65? И где ты думаешь к нему запасные брать?

– У меня есть еще один магазин, – Яна ответила совсем тихо, чуть

ли не шепотом, – запасной...

– Запасной! Да он на семь патронов!

– Ты из него не стреляла еще! – догадался Алекс.

– Стреляла, – Яна отвернулась и уставилась в сторону. – Один раз. Ну, все узнали, что хотели? Тогда пойдём.

Деревья этого нового участка Леса, хотя и вытянулись высоко, оставались тонкими, кроны их были не очень густыми и пропускали солнечный свет. Ветер продолжал усиливаться, верхушки деревьев раскачивались, и световые пятна непрерывно двигались. Это мешало разглядеть толком, как выглядит Лес изнутри. К тому же от выпитого зелья немного шумело в голове, очертания деревьев казались размытыми, и в то же время Алекс с удивлением отметил, что он видит очень отчетливо, может различить мельчайшую морщинку на коре, замечает каждый листок.

Швед, что-то тихо ворча себе под нос, шагал первым. Заставить себя молчать он не мог, привычка разговаривать с собой въелась в него крепко, но здесь, в тени Леса, само собой возникало желание оставаться тихим, издавать поменьше звуков.

– Что там? – вздрогнула Яна.

Она немного отстала и сейчас ускорила шаг, чтобы держаться ближе к Шведу и Алексу. – Это звери? Мутанты?

– Вряд ли, – буркнул Швед. – Иди, не задерживайся – это главное правило. Не надо стоять на месте без причины. Если будем шагать, то, может, Лес и пропустит. Здесь недалеко совсем, только узкую полосу пересечь.

Потом Алексу тоже показалось, что он заметил движение за деревьями, будто промелькнул темный силуэт, но, когда попытался всмотреться, – ничего. Только движение световых пятен под качающейся шуршащей листвой... Трое людей шагали сквозь Лес, а он шумел кронами, будто неодобрительно качал головой, неохотно пропуская путников. И ни на мгновение не позволял забыть: они здесь чужие, они лишние.

Череда светлых и темных пятен тянулась во все стороны, насколько можно было разглядеть, и Алексу уже чудилось, что они никогда не выберутся отсюда и даже что выбираться некуда, Лес теперь повсюду. Сколько ни шагай, не будет ничего, кроме деревьев, кустов

и ползучих побегов, которые шевелятся, словно змеи, под ногами. «Морочит Лес, – бурчал на ходу Швед, – не верьте ему, на самом деле все не так, как здесь кажется...» Что он имел в виду, Алекс не понял, но очень хотелось послушаться спутника и не верить здесь ничему, потому что это Лес, а в нем все не так, как за его пределами... Но только есть ли что-то за пределами? Или Лес так и будет тянуться, без конца и края? Разве есть что-то кроме Леса? Нет ничего больше, Лес – он теперь повсюду...

Поэтому, когда путники вдруг оказались на залитой солнечным светом опушке, Алекс испытал скорее удивление, чем радость. В лицо пахнуло прохладным ветром...

– Прошли, – намного громче, чем прежде, заявил Швед. И длинно выдохнул. – Отпустил Лес...

– Мне казалось, никогда он не кончится, – признался Алекс.

– Мне тоже, – поддакнула Яна. – Казалось, так и прошагаю всю жизнь.

– А я вам говорил: не верьте! Лес не врет, нет... только правда у него другая. Это Имир, его сны – вот что чудится нам в Лесу. Чужие сны.

Это Швед говорил уже на ходу, он широко шагал прочь от опушки, и Алекс с Яной поспешили за ним. На этот раз их путь через Лес оказался легким, но искушать судьбу не следует – лучше как можно быстрее убраться отсюда.

Алекс прислушивался к своим ощущениям – странное восприятие мира, подаренное напитком крайних, медленно отступало, сходило на нет. Поначалу все молчали, потом Швед снова забормотал. И его отпустило, значит.

– Теперь совсем недалеко, – проговаривал отшельник свои неторопливые мысли. – Вот эту развалюху обогнем, за ней пригорок, перевалим через него, и моя хата уже видна будет. Это хорошо, это правильно, что мы через Лес напрямик прошли. Батька людей за нами вышлет. Он мстительный и мелочный, я таких людей знаю. Для него важно, чтобы последнее слово всегда за ним было, значит, отправит своих бойцов за мной. Ржавый дорогу покажет, он знает, где я обосновался... Только мы их хорошо опередили, когда дорогу срезали... Леха, ты заметил, какой здесь ветер?

Алекс только теперь сообразил: ветер стал намного сильнее, чем до того, как они вошли в Лес. До сих пор все мысли вертелись вокруг опасного перехода, он даже не обратил внимания, как быстро бегут по небу рваные облака. Под защитой деревьев было спокойно, только верхушки раскачивались. А ведь снаружи-то чуть ли не буря. Это сделалось особенно заметно, когда беглецы стали подниматься по склону пригорка, с которого, как сказал Швед, будет виден его дом.

– Ну да, крепко дует.

– Вот я мыслю, потому мы так легко и прошли сквозь Лес, что он другим занят, не до нас ему было, – сделал неожиданное заключение Швед. – Этот ветер неспроста. Лес готовит что-то. Знать бы, что именно.

– Ну ты даешь! – встряла Яна. – Как это лес может ветер создавать? Ветками намашет, что ли?

И она повертела над головой обеими руками, изображая, как Лес создает ветер. Швед буркнул:

– Совсем же дитя...

Алекс стал объяснять:

– Нет, не ветками. Лес многое может, ветер поднять – это не самое трудное. Во время Шторма земля дрожит, это как, по-твоему? Не Лес делает?

– Нет, все-таки! Как он ветер поднимает?

– Да мне откуда знать? Ну, вот представь: если на достаточно большой площади Леса вдруг начинает понижаться температура... ну, хотя бы на несколько градусов, однако участок большой, тысячи квадратных километров. Что произойдет?

– Ну, холоднее будет.

– Образуется область повышенного атмосферного давления. От охлажденного пятна к более теплым участкам подует ветер. А если нагреваться и охлаждаться будут площади в определенном порядке, то этот ветер можно направить.

– Учи ее, Леха, учи, – одобрил Швед. – А то нынче никто ничему учиться не хочет. Суеверные все стали, знаний нет, одна слепая вера и страх перед Лесом. Будто Лес – бог или дьявол.

– Нет, он мертвый великан, – поддела Яна. – Я слышала, как ты

про великана байки травил.

Швед не ответил. Когда прозвучала последняя реплика, он как раз первым поднялся на верхушку пригорка, заросшего кустами. Сбился с шага и резко присел.

Яна с Алексом, отстававшие на пару шагов, нырнули в кусты следом за ним.

– Что там?

– Новая орда, – буркнул Швед. – Лес бы их взял... Успели, опередили нас все-таки! Но как?

Алекс раздвинул колючие ветки и выглянул, – дом Шведа в самом деле был отсюда виден, а в паре сотен метров от него за кустами перемещались фигурки в черном. В отряде Батки все носили черное, так что сомневаться не приходилось, это кочевники. Они, должно быть, не решались идти к дому, не убедившись, что он пустует.

– Они на байках прикатили, – вставила Яна, – в обход. И уже давно, я моторов не слышала.

– Вряд ли их много, значит, я домой сегодня все-таки попаду, – решительно заявил Швед. – Только осторожно нужно, без ошибок. Патронов маловато.

Кочевники осторожничали, перебежали за кустами, подкрадываясь ближе к отшельническому жилью. Потом двое решились – бросились бегом через открытое пространство к развалинам, которые тянулись от дома к опушке. Добежали и упали за кирпичными стенами.

– Вот что, сейчас рыночные убедятся, что дома никого нет, – заговорила Яна, – и самый глупый из них начнет дверь ломать. У них нет понятия о замках, они не знают, как отпереть, будут ломать, точно! А мы так и будем здесь торчать? Ждать, пока они полезут внутрь?

– Давайте назад, – велел Швед. – Этот холмик мы обогнем, дальше я вас оставляю и пойду к оврагу. Хороший овраг, я его нарочно для такого случая присмотрел. Он тянется почти до самого дома, весь зарос кустами. По нему я подберусь поближе.

– Почему ты? Мы тоже с тобой! – предложил Алекс.

– Всем нельзя, – Швед попятился сквозь кусты, чтобы спуститься по дальнему от дома склону пригорка, – если в овраге накроют, всем хана. Вы с Яной останетесь и будете наблюдать. Если они к оврагу пойдут, отвлекайте, делайте, что хотите, но мне дайте к ним подо-

браться.

– Тогда возьми мой автомат, у меня ж полный магазин!

– А, это правильно.

Швед провел спутников ложбинами, поросшими кустарником и низенькими кривыми деревцами, и Алекс еще раз удивился предусмотрительности старого приятеля – ведь точно же Швед заранее присмотрел эту дорогу. И овраг этот, по которому можно к дому подобраться, тоже. Наверняка прикидывал, как бы им воспользоваться. А еще Алексу было досадно, что он топает, как горбун, в то время как и Швед, и Яна крадутся совершенно бесшумно. Попробовал, как они, – ничего не вышло, не умел Алекс скрываться. Правда, сейчас особых способностей от него и не требовалось. Кочевники убедились, что в доме никто не подает признаков жизни, и осмелели. Алекс уже слышал, как кто-то распоряжается, зычно покрикивая:

– Сзади зайди! Проверь, что там! Нет ли другого входа? А ты дуй к байкам, здесь взрывчатка понадобится! Тащи сумку, эту, знаешь? Синяя, с замком. Таковую дверь пока выломаешь, упаришься, а мне неохота. И потом – Батяка-то ждет!

Вот показалась бетонная кровля, и Швед прошептал:

– Я пошел.

Он нырнул в кусты и исчез. Алекс поглядел на Яну, она уже вытащила свой вальтер и хмуро вертела оружие в руках. Перед ними была роща, за ней – луг. Предусмотрительности Шведа хватило и на то, чтобы расчистить пространство около здания, так что скрытно подобраться к дому было сложно. Хорошо, что к самому дому и не требуется. Алекс с Яной выбрали позиции за деревьями, чтобы держаться под наблюдением вход в дом. Стволы деревьев, за которыми они укрылись, были слишком тонкими – прижавшись к гладкой молодой коре, Алекс ощутил, как деревце вздрагивает под ударами ветра. Перед дверью стояли трое байкеров, передавали из руки в руки сверток, должно быть, взрывчатку.

– А чего я? – кричал один. – Ты приволок короткий шнур, тебе и поджигать! Длинный нужно было взять, длинный!

– Давай гранату приладим, я веревку к кольцу привяжу, отойдем подальше, заляжем, я дерну!

– Еще гранату расходовать?

Алекс подумал, что они так увлеклись спором, что не помешают Шведу подкрасться. Тем более что из-за ветра было шумно: на крыше что-то мерно хлопало, Лес, здесь совсем близкий, хмуро шумел кронами. Но тут из-за строения подал голос еще один кочевник:

– Здесь порядок! Нет второго входа! Я еще осмотрюсь!

– Плохо, – бросила Яна. – Сейчас он выйдет к оврагу.

– Откуда знаешь?

– Когда я собиралась в дом залезть, все здесь осмотрела, – вздохнула воровка. – Видишь, кирпичные стены, которые к лесу тянутся? Овраг доходит как раз до них. Швед думал, вылезет из оврага и окажется за стенами, в укрытии. И вместо этого наткнется на кочевника.

– Значит, будем отвлекать, – кивнул Алекс, – по плану. Ты с вальтером не высовывайся, на такой дистанции калаш вернее. Ну, еще немного выждем, пусть Швед там осмотрится, на месте... когда тот, что за домом, к своим побежит, я начну.

Алекс поставил флажок в позицию «одиночный огонь»... прижал приклад к плечу... и тут кочевники завопили и кинулись врассыпную – с крыши на них свалился серый лохматый ком. Рысь! Мутант был молодой, неопытный, одного из байкеров он сбил с ног, но не смог прикончить сразу. Зазвучали выстрелы. Раненый истошно вопил, отползая в сторону, рысь металась в кольце врагов, кочевники орали, пытаясь подстрелить верткую хищницу... Из-за дома никто не показывался.

Сквозь выстрелы, рычание рыси и шум ветра прорезался протяжный тоскливый вой. Кочевники наконец прикончили рысь и завертели головами, оглядываясь.

– Шведа вижу, – подала голос Яна. – Алекс, давай! Отвлекай их!

Алекс прицелился... и понял, что держит на мушке Ржавого. Рука дрогнула. Тяжело было стрелять в человека, с которым столько часов подряд шел вместе, делил опасности. Алекс догадывался, что в карательной команде будет и старик, – именно Ржавый знает, где дом Шведа, может показать дорогу. Но все-таки оказалось, что к такому обороту Алекс не готов, и он выстрелил в другого байкера. Тут же к грохоту его калаша присоединились гулкие хлопки вальтера – Яна открыла огонь. Байкер, в которого целился Алекс, упал, остальные не успели ничего сделать – Швед срезал их длинной очередью. И

Ржавого тоже. Алекс ощутил облегчение – теперь не придется стрелять в старика... и тут же подумал: что ж такое! Ведь он радуется смерти недавнего попутчика! Однако негодовать на себя ему пришлось недолго, – Швед встал из-за разрушенной кирпичной стены и заорал:

– В дом! Быстрее!

Потом он развернулся, вскинул автомат и дал короткую очередь по кому-то, кого Алекс видеть не мог.

– Бежим, Алекс! – крикнула Яна.

Они помчались к дому, а Швед перепрыгнул стену, снова выстрелил. На бегу Алекс увидел, что следом за отшельником из развалин вымахнула грязно-бурая тень, потом другая, третья... Волки не были полноправными детьми Леса, они рыскали повсюду, забредали в радиоактивные зоны, в места, отравленные химическими отходами. Бродяги утверждали, что они часто селятся на руинах захваченных Лесом городов, жрут там всякую гадость, от этого мутируют странным и непредсказуемым образом. Звери, напавшие на Шведа, выглядели жутковато, облезлые, покрытые язвами и струпьями.

Алекс спешил как мог, но не успевал, а стрелять опасался, боялся задеть Шведа, тот был на линии огня. Отшельник пятился, волки наседали. Пара коротких очередей прикончила двух мутантов, но вожак, матерый волчище, несмотря на раны, сумел добраться до человека. Волк прыгнул на Шведа, тот сунул автомат в клацающие челюсти, однако не устоял на ногах. Когда человек и зверь рухнули вместе, Алекс выпустил последние патроны над ними. Пули отшвырнули двух оставшихся волков, а вожак, рыча, вертелся на лежащем Шведе. Алекс врезал прикладом по облезлой голове мутанта, потом еще раз. Зверь перехватил приклад, принялся грызть и на каждый рывок и пинок ботинком отзывался глухим рычанием. Подскочила Яна, ткнула ствол вальтера в многострадальную серую голову и несколько раз нажала на спусковой крючок. Она давила и давила, но в магазине оставался только один патрон, а после механизм клацал без пользы. Впрочем, волка прикончила одна пуля, – Яна жала на спуск только от волнения...

Швед заворочался под тушей застреленного хищника, потом спихнул ее с себя и заявил как ни в чем не бывало:

– Я же говорил, всегда приходит такой момент, когда необходим нож. А его-то и нет!

И тут земля вздрогнула, толчок был не сильный, но вполне ощутимый.

– Смотрите, что там, над Лесом? – крикнула Яна.

Пока шел бой, небо успело потемнеть, ветер нагнал тяжелые свинцовые тучи, но сейчас над темной массой Леса поднималось странно плотное марево, медленно заволакивая небо с быстро бегущими лиловыми и серыми облаками.

Земля вздрогнула снова, теперь намного сильнее. Густая зеленоватая дымка, встающая над лесом, уже заволокла половину небосвода, ветер нес ее, разрывая и терзая края завесы, но дымка по-прежнему была плотной, тучи сквозь нее не просматривались. Алекс сообразил, что это смертельно ядовитые споры... неужели ветер был создан Лесом именно для того, чтобы унести облака отравы... куда? К Химзаводу?

Швед вскочил и побежал к дому, бросив через плечо:

– Скорей! Шторм идет! Вот-вот накроет нас!

Он подбежал к двери, хлопнул себя по груди... Алекс не сразу сообразил, что означает этот жест, потом понял: в нагрудном кармане Швед носил ключи, а их отобрали армейцы во время обыска! Лес бы их взял, как теперь укрыться?

– Ключи? – спросил он, подбегая к крыльцу. – Нет ключей?

Сердце екнуло – Шторм идет, а в дом не попасть...

– Есть, – Швед нагнулся, сунул пальцы в едва заметную щель в стене над самой землей, поддел кусок кирпича и вытянул. Там у него был тайник.

– Вот я дура! – заявила Яна. – Могла бы найти, не пришлось бы в окно лезть... Да скорей же, Швед, что ты возишься!

Она оглянулась – как там пелена, застилающая небосвод, близко ли? Алексу тоже было не по себе, и он отлично понимал, что Яна храбрится, не хочет показать, что напугана.

Земля затряслась – это уже был не одиночный толчок, а целая серия вздохов тверди, будто и впрямь движение просыпающегося великана... Яна ойкнула, но Швед уже отпер дверь и первым шагнул в темноту коридора, бросив через плечо:

– Ловушки! Аккуратно идите!

Алекс, в последний оглянувшись на мгновенно потемневшее небо, остановился, пропуская Яну, вошел и захлопнул дверь. Шум ветра, надвигающийся Шторм, облака спор – все осталось за этой дверью. Однако сердце колотилось по-прежнему, слишком явственно ощущалась здесь близость Леса и связанные с этим опасности.

Стало темно, но тут же вспыхнул фонарик Яны. Луч света заметно подрагивал, все-таки Яна, хотя и не подавала вида, была напугана Штормом.

Алекс всегда не без некоторых сомнений проходил по этому коридору. Капкану или растяжке ведь все равно, друг или враг угодит. Когда-то Алекс в шутку заявил, что по дому Шведа нужно ходить, как по Лесу, – кругом аномалии. Швед тогда юмора не оценил и ответил: «В Лесу все же маленько опасней».

Яна побежала на кухню. Там хозяин уже отворил погреб. Подвал под домом Шведа был обширный и тщательно обустроенный. Ни малейших следов влаги, все щели замазаны, все отверстия закупорены. Это Алекс знал точно, потому что хранил здесь свои книги.

Отшельник поработал над погребом основательно, да он все так делал – методично, неторопливо. И всегда добивался намеченного результата. Крышка плотно опустилась на резиновые прокладки, отсекая страхи и опасности.

И тут Алекс уже не сдержался, выдохнул:

– Успели!

Глава пятая ***Обычай викингов***

В погребе Алекс почувствовал себя увереннее. Здесь он бывал частенько, Швед выделил ему несколько полок для книг, и Алекс любил навещать свою маленькую библиотеку. В погребе не было ловушек и почти не чувствовалось приближения Шторма, даже тряска земли едва-едва ощущалась. Под люком располагалась небольшая клетушка, из нее вели четыре двери – входы в кладовые Шведа. Яна

тут же принялась водить фонариком по сторонам, прикидывала, где что лежит.

– Хорошо, что я не успела сюда залезть, – объявила воровка, озираясь. – Если бы Алекс не появился, точно бы что-нибудь стащила! Тогда было бы неудобно в вашу компанию проситься.

– Тебе – да неудобно? – улыбнулся Алекс. – Не думаю.

– Э-хе-хе, – длинно вздохнул Швед. – Хозяйство обустроил, запасов натащил. А теперь это все придется бросить. Хату мою кочевники Батьки точно вскроют. От всей орды не отбиться, нет.

– Ты же собрался в поход за своим прошлым, – напомнил Алекс.

– Да, конечно. Прошое нужно вернуть, – Швед в задумчивости потянулся ерошить бороду, – а интересно получается? Я припасов наготовил для будущего. А теперь оставляю будущее ради прошлого. Люди-то чаще обратным образом поступают. Ну, ладно. Яна, гаси фонарь. Нам здесь еще долго сидеть, побереги аккумулятор.

– А сколько сидеть? Как мы узнаем, что Шторм прошел?

– Никак. Но он уже сейчас всюду бушует. Я так мыслю, это на Химзавод облака спор понесло. И зверье туда же направляется: рысь, волки. Видели рысь? Не нравится Лесу, что Батька на Химзавод пришел. Лес его оттуда выгнать хочет, вот такая штука.

– Не может быть, – заспорила Яна. – Как Лес мог заранее знать, что Батька захватит Химзавод? Корни давно лезут в коллектор!

– А перед этим ты спрашивала, как Лес ветер может поднять, – напомнил Швед. – Мы вообще не знаем, что он может, а что нет... и есть ли такое, чего он не может? Страшная сила в нем!

– Но не слепая, – вставил Алекс. – Меня больше интересует, как Лес направляет эту страшную силу. Почему он такой, что ему в конечном счете нужно?

– Имир просыпается, ворочается, стряхивает с боков то, что за многие векаросло, – важно объявил Швед. – Не пытайся понять его цели, они не то чтобы слишком сложные, а просто чужие нам. Непонятные, потому что совсем чужие, не человеческие. Ты вот хочешь определенных вещей: чтобы было тепло, сытно, безопасно.

– Нет, я хочу совсем другого – понять, что с нами происходит, почему это случилось и как теперь жить.

– Ну, не ты, а большинство людей. Власов тот же, староста высел-

ковский. Его понять несложно. Он человек, а ты людей хорошо знаешь. Имира не знаешь совсем. И не поймешь, что ему нужно.

– Ох и шухер сейчас, наверное, в Выселках... – Яна улыбнулась, представив себе суматоху в поселении. – Все бегут, прячутся, скотину укрывают.

– Если эти тучи спор гонит на Химзавод, Выселкам ничего не грозит, испугаются, разве что. Ну, гаси фонарик... – И тут же, без всякого объяснения, Швед припомнил Яне ее недавний язвительный выпад насчет «баек про великана». – Не знаю, что ты слышала о Имире, однако правда в том, что боги убили Имира и сделали из него наш мир, такой, каким мы его видим. Но Имир старше людей, старше богов, старше смерти. Кто старше смерти, тот умереть не может. Он вернется... уже возвращается. И тебе его не понять.

Швед повозился в темноте, потом его дыхание стало ровным и размеренным, он уснул.

– Алекс, – позвала Яна, – ты не спишь?

– Нет, думаю.

– А как мы узнаем, что Шторм прошел? Ведь уже и земля не трясется.

– Швед проснется, когда нужно. Он всегда так.

– Ты на него слишком полагаешься. Что он ни скажет, ты его слушаешься.

– Потому что он разумные вещи говорит.

– Ну да, разумные, как же! Про мертвого великана-то?

– Как раз именно это очень разумно! Понимаешь... не нужно воспринимать его слова прямо. Великан Имир, Один, Локи – это символы. Аллегория. Ты знаешь, что такое аллегория?

– Да знаю! А ты не можешь проще объяснить?

– Попробую. Люди придумали богов для обозначения всего, что есть в нашей цивилизации. Бог земледелия, бог пастухов, бог лекарей. Создали театр – появилась муза театра. Придумали историю – вот и муза истории. Боги – это наша цивилизация. Ну, то есть не буквально, а иносказательно, в символическом смысле, понимаешь? А великан Имир – это силы природы, то есть все, что было до богов. Было до того, как придумали богов, придумали названия всему, что создал человек. Цивилизация сделала из мира дикой природы мир

человека, по скандинавским мифам – боги сделали мир из расчлененного тела великана. Наш мир. А теперь Имир пробуждается и сбрасывает цивилизацию. Поэтому наш привычный мир уничтожен, теперь снова наступает власть дикого начала.

Яна молчала, поэтому Алекс подумал, что она сейчас начнет потешаться и над ним.

– Я плохо объяснил?

Яна ответила:

– Хмм... Если так, то получается какой-то смысл, верно. Как схема – верно. Только где в этой схеме наше место?

– Вопрос... сам над ним думаю. Я надеюсь найти ответ в книгах. Ведь должна же быть причина, по которой это все произошло: катаклизмы, эпидемии, наступление Леса на города. Почему именно сейчас?

– Ты историю про Лесника слышал?

– Нет. Что за история?

– Бродяга один рассказывал, я подслушала. Значит, так...

Яна устроилась поудобнее, откашлялась и начала, протяжно и заунывно, как, согласно ее представлениям, полагалось рассказывать подобные истории:

– Жил еще до катаклизма в небольшом городке лесник. Родных всех схоронил, друзей заводить не стремился. Одна радость была – роща у городского кладбища. Ухаживал он за ней, сухие ветки обламывал, за растениями следил.

Решил однажды губернатор увеличить кладбище. Мол, новое строить дорого, а тут все просто – расширить за счет окружающих старую территорию деревьев. Вырубить их и разровнять землю.

Узнал об этом лесник, побежал в администрацию, умолял не трогать, плакал, чуть ли на колени не падал. Говорил, что нельзя лесок вырубать, охраняет он живых от мертвых. Но бумаги уже подписаны! Лесник взял фонарь свой, рюкзак и ушел. Пообещал только, что все еще пожалеют.

Рабочие на кладбище техники не дождались – началась эпидемия. А кладбищенский лес двинулся на город. Срастаясь с другими рощами и посадками, он набирал великую силу... Уже нет того города, с которого все началось, – кладбищенский лес поглотил его и до сих

пор разрастается дальше.

И многие видели издалека, что у кромки леса ходит кто-то с ярким фонарем. На десятки километров людей нет, а тут кто-то бродит в одиночку!

Некоторые пытались узнать, кто это, и больше их живыми не видели. Только раз нашли одежду одного из пропавших, висящую на дереве.

– Ну вот, суеверия. Именно то, о чем Швед говорил. А если читать книги...

– Если бы ответ был в книгах, все бы их читать кинулись. Думаешь, ты самый умный?

– Все не ищут ответа. Швед только что об этом сказал: люди хотят простого – чтобы было тепло, сытно, безопасно. Они свое место и так прекрасно видят – здесь и сейчас. А мы вот ищем кто прошлое, кто будущее...

Алекс не замечал, как летит время, болтать с Яной было приятно. Обычно он смущался, когда пересказывал прочитанное в книгах, потому что знал: большинству его увлечение кажется пустым, но Яна слушала очень серьезно. Похоже, ей даже нравилось.

Потом пошевелился Швед, гулко прочистил горло и объявил:

– Ну что, попробуем выйти? Что-то у меня плечо побаливает, это обычно к дождю случается. Если дождь полил, то споры прибило и смыло, можно выбираться. Зря, что ли, ветер такие тучи нагнал? Должен дождь зарядить, точно.

Яна включила фонарик, и Швед вскарабкался по лестнице. Осторожно откинул люк, огляделся. Потом позвал спутников:

– Никого! Можете вылезать! А я припасы соберу.

Алекс с Яной поднялись на кухню. Там было темно, в окна лупили густые струи дождя, и небо сквозь них просматривалось тяжелое и низкое. Яна осмотрела окно, сквозь которое влезла вчера, и удовлетворенно отметила:

– Вот она, растяжечка! Значит, Швед учел мой вчерашний визит, приготовился. Приятно, когда тебя в гости ждут.

Алекс лишь в очередной раз поразился ее беззаботному отношению к собственным проделкам. Яна продолжала изучать ловушку.

– Странно, что это такое? Я думала, растяжка к какой-нибудь коро-

бочке со спорами будет тянуться... к гранате, на худой конец, а это что ж такое?

Алекс оглядел небольшие темно-зеленые комочки, похожие на нераскрывшийся бутон цветка.

– По-моему, эти штуковины выстреливают сок.

– Ядовитый?

– Нет, но мажется так, что не отмоешь неделю. Он клейкий, как Лес знает что. Швед тебя пометить краской хотел.

Потом из погреба позвал хозяин:

– Алекс, помоги!

И стал подавать снизу свертки с продуктами и патроны. При этом, как обычно, бормотал:

– Ничего ценного я здесь не оставлю. Все, что в дороге может пригодиться, возьмем с собой. Главное, патроны... Патроны, как и ножи, лишними не бывают. Это по карманам рассуешь, держи... Вот макаров, отдай Яне. К этому стволу, по крайней мере, патроны можно будет раздобыть. А вот это осторожно бери, не то порежешься.

В звякающем свертке были клинки разных форм и размеров.

– Богатая коллекция! – заметил Алекс.

– Ты книжки собираешь, я вот это... – вздохнул внизу Швед. – Книжки, конечно, штука хорошая. Но рано или поздно наступит такой момент, когда ты пожалеешь, что под рукой нет ножа. А с книгой разве так? Случалось тебе жалеть, что под рукой нет книги?

– Мне – постоянно.

– А теперь заведешь новые привычки и будешь жалеть, что нет ножа. Другая жизнь у тебя начинается, Леха, готовься!

Яна пистолет приняла без восторга, покачала на руке – тяжелый.

– Худенькая ты, – вздохнул Швед, когда она скривила гримасу. – Вес набрать нужно, потому что тебя ж отдача, как пушинку, сметет.

– Нельзя мне вес набирать, в форточки лазить будет несподручно.

– Так не лазь больше! Теперь и у тебя новая жизнь начнется.

Они распределили припасы, а за окном как раз посветлело, дождь пошел на убыль. Швед с тяжелыми вздохами уставился в окно, бурча, что вот как только дождь прекратится, сразу в путь. Алекс его отлично понимал: трудно расставаться с насиженным местом. Сам-то он бродяга, перекасти-поле, а Швед привык к дому...

Дождь уже прекратился, и ветер стих. Похоже, Лес посчитал, что добился своей цели – направил ядовитый выброс спор на Химзавод. По небу медленно плыли серые клочья – последние обрывки прошедшего дождевого фронта. Все было мокрым и серым.

Покидая свой дом, Швед напоследок аккуратно запер дверь и спрятал ключ под крыльцом, в тайнике.

– Зачем это? – поинтересовалась Яна. – Думаешь, вернешься сюда?

– Нет, не вернусь, – серьезно ответил Швед. – Это по привычке. Есть вещи, которые нужно делать не с какой-то целью, а просто потому, что так будет правильно. Хотя лучше бы все здесь сжечь, только возиться неохота.

– Зачем сжечь?

– Чтобы удача осталась со мной.

Шагая по мокрому лугу, Швед принялся объяснять:

– Это вроде как старинный обряд такой, викинги его исполняли. Возвращаясь из походов, они складывали добычу в сундук, то есть самое ценное: золото, украшения, дорогие одежды. Потом сундук топили в болоте. Это называлось: спрятать клад. Никто не собирался позже, если нужда припрет, нырять за кладом в болота. Даже не старались запомнить место, где спрятано золото. Обычай такой. А сжечь еще надежнее, так я полагаю.

– А чем смысл? – удивилась Яна. – Зачем же в болото?

Швед молча шагал, он уже высказался и теперь хмурил брови, обдумывая что-то другое. Ответил Алекс:

– Смысл в том, что никто не мог завладеть кладом. Викинг считал, что его удача материализовалась в этом золоте, привезенном из-за моря. И если бы добро кто-то похитил, то унес бы вместе с золотом удачу воина. А если никто не сможет стащить, то удача навеки пребудет с ним. И пригодится, когда Один в Валгалле призовет на последний бой. В общем, законсервированный фарт. А потом такой викинг мог гордиться: спрятанный клад повышал его социальный статус. Он – человек с кладом.

– Глупый обычай, – заявила Яна, – обокрасть можно любого, точно! Уж я-то знаю! Если бы и вправду в золоте была удача, то сундук хоть из болота, хоть откуда достали бы.

Они пересекли луг, миновали перелесок, где с деревьев мерно па-

дали тяжелые холодные капли, и вышли к дороге. Выщербленный и покрытый трещинами асфальт блестел, по лужам гуляла рябь. Слегка шевелились мокрые ветки деревьев, роняя дождевую воду... и ни души. Насколько хватало глаз – ни малейшего движения. Мир замер после прокатившегося Шторма.

– Идем по дороге, – решил Швед. – Пока такая тишина стоит, отмахаем как можно дальше. Сейчас первым делом убраться отсюда подальше надо. Пока орда не налетела.

Шагать по дороге было легко. Все притихли, и каждый размышлял о своем. Алекс жалел о книгах, оставленных в погребе.

Они шли до наступления темноты. Когда спустились сумерки, впереди – там, куда вела едва заметная лента дороги, – зажглись теплые желтые огоньки.

– Перекресток, – определила Яна. – Мы там заночуем?

Перекрестком бродяги прозвали старую будку автоинспекции, возле которой возникло небольшое поселение. Вернее, что-то наподобие стоянки для всех, кто странствует по старым дорогам. Предприимчивый человек со странным прозвищем Грешник пристроил к двухэтажной будке несколько дощатых сараев, вырыл погреб и принимал на постой путников. Обзавелся семьей, потом нанял работников. Оказалось, что место бойкое, и всегда находятся желающие заплатить пару монет за домашнюю стряпню, самогон и относительно безопасный кров. В общем, теперь Перекресток знали все.

Когда окончательно стемнело, Алекс заметил зеленоватое зарево, встающее у них за спиной. Указал на него спутникам. Все остановились и несколько минут разглядывали поднимающееся на горизонте свечение.

– Похоже, это на Химзаводе? – неуверенно предположила Яна. – Что это может так гореть?

– Лес его знает, – буркнул Швед. – Хватит оглядываться, пора бы дойти до Перекрестка и остановиться на ночевку. Давайте шаг прибавим, что ли.

Перед заведением Грешника был растянута брезентовый навес, под ним путешественники увидели мотоцикл с коляской. Машина была грязная, обшарпанная, зато богато украшена прикрученными к рулю и крыльям костями.

Глава шестая

Выбор Грешника

– И здесь Черный Рынок. Не нас ли ищут? – беспокоился Алекс.
– Вроде люди Батьки не должны сюда добраться, а?

– Сейчас зайдём и узнаем! На мотоцикле их много не могло приехать! – Яна первой устремилась к пологу, которым был завешен вход. Из-за полога пробивались лучи света, доносились женский смех и голоса.

Сверху гостей окликнули – на втором этаже дежурил охранник. Этот второй этаж, когда-то застекленный наблюдательный пункт автоинспектора, сейчас был превращен в огневую точку, заложен до середины широких окон мешками с песком.

– Здорово, гости! – выкрикнул охранник.

– Вечер добрый! – отозвался Швед, запрокинув голову. – Постояльцев принимаете?

– Заходите, чего спрашивать? Мы всегда принимаем.

– Людно у вас там сегодня?

– Да считай, пусто. Только пара кочевников, да и те проездом, собирались дальше катить, но непогода задержала.

Швед кивнул и, откинув полог, шагнул под крышу. В небольшом зале и в самом деле было пусто. Грешник, тощий сутулый мужик с вечно кислым выражением лица, прохаживался за стойкой, неподалеку, под электрической лампой расположились двое кочевников: здоровенный располневший детина в распахнутом жилете и тощий унылый типчик. Толстяк смеялся и гулко хлопал себя по испещренному шрамами пузу, выпирающему из-под жилета. На коленях у него расположились две девушки из местного штата obsługi. Они визгливо смеялись шуткам постояльца – сегодня других клиентов не предвиделось, и обе надеялись заполучить толстяка на эту ночь. Тощий женщинами почему-то не интересовался.

Когда пришельцы вступили в зал, все притихли. Женщины смирли гостей оценивающими взглядами и снова обернулись к толстяку – пожаловали явно не их клиенты. Тощий тоскливо протянул:

– Гога, поехали...

– Куда ты собрался? – добродушно прогудел толстый Гога. – Переночуем здесь, а с рассветом двинем дальше.

– Котел велел найти армейцев еще сегодня, – ныл тощий.

Гости прошли к стойке, Швед заявил:

– Грешник, нам ночлег нужен.

– А? – хозяин тут же оживился. Хоть какая-то прибыль нынче. – Это правильно, куда в непогоду шляться? Ночуйте, чего ж... монеты есть у вас?

– Найдем, найдем! – бодро заверил Алекс.

Тем временем тощий кочевник уговаривал приятеля отправляться на разведку, но тот уже твердо решил, что проведет ночь на Перекрестке.

– Все, Свист, заткнись! – велел он наконец. – Ночуем здесь. А Котлу скажем, что попали под Шторм и пережидали в подвале у Грешника. Вот ты и скажешь. Понял?

– Гога...

– Или не понял? – Гога поднес к лицу приятеля увесистый кулак.

– Да понял я...

– То-то же. Эй, девчонки! Давайте! Которая слаще поцелует, та получит монету, а?

Грешник сходил на кухню, возвратился с мисками. Алекс рассчитался, и вся компания разместилась за столом со снедью. Сесть пришлось неподалеку от кочевников, поскольку Грешник экономил – включил только одну лампу над стойкой, и большая часть зала тоннула в полумраке.

Швед вытащил армейскую карту, разложил на столе и углубился в изучение. Яна придвинулась к нему и стала водить пальцем по линиям дорог:

– Вот это место. А мы здесь?

– Нет, пока что здесь.

– Эх, далеко! Нам туда топать и топать! – Яна скривила гримасу. – До-олго еще!

– Самому не терпится, – кивнул Швед. – Эх, как хочется скорей туда! Особенно если учесть, что не только мы к этому объекту направляемся. Армейцы мало того что опередили, так еще и на коле-

сах. Опоздаем, увезут они мое прошлое!

– И все ценное выгребут, – поддакнула Яна.

Швед покачал головой.

– Эх, был бы какой-то транспорт. Да где его найти?

Алекс в это время искоса наблюдал за кочевниками. Женщины со звонким чмоканием целовали веселого Гогу, предлагали заказать еще выпивки, тот смеялся. Потом звякнули монеты, одна из прелестниц соскользнула с колен байкера и побрела к стойке за бутылкой – удалось раскрутить клиента, значит. Зато тощему Свисту было скучно, он все чаще поглядывал на пришельцев... и взгляд его Алексу не нравился. Он шепнул об этом Шведу, тот кивнул:

– Вижу.

Быстро покончив с едой, они встали и направились к стойке, чтобы договориться о ночлеге. Но тут Свист вскочил и заорал, указывая на Яну:

– Это она, Гога, она! Смотри! Помнишь, в поселке этом, как его? Под Кривым Рогом? Это она твой рюкзак увела!

Гога заворочался, стряхивая липнувших к нему женщин, и грузно развернулся. В руке его блеснул ствол. Грешник нырнул под стойку, бабы завизжали, Яна прыгнула под стол и словно растворилась в тени. Алекс торопливо ухватился за приклад калаша, но не стал его поднимать, Гога уже направил в его сторону пистолет. Один только Швед замер, широко расставив ноги, и не дергался.

– Эй, слышь! – прогудел толстый байкер. – Где там твоя девка? Дай я на нее погляжу как следует! Пусть покажет свою хитрую морду.

– Это зачем еще? – спокойно спросил Швед. – Тебе двух женщин мало?

– Она воровка, вот почему. Рюкзак мой стащила. Ну, живо! Считаю до трех... Свист, иди к двери, чтобы не сбежала, как под Кривым Рогом! Раз...

Алекс лихорадочно соображал, как быть. Грешник за стойкой сидел смирно, женщины пятились, а Свист уже шел к выходу, держа наготове обрез.

– Два... – Гога сделал шаг к Шведу.

Тот стоял по-прежнему, расслабленно опустив руки. Алекс заметил, что он осторожно встряхивает правой, что-то выскользнуло из

рукава и легло в ладонь...

Гога открыл рот, чтобы сказать: «Три!», Швед резко взмахнул рукой, в воздухе просвистело, и байкер, вместо того чтобы закончить счет, истошно заревел, уставившись на свою руку, проткнутую ножом. Его пистолет с грохотом брякнулся на пол. Свист развернулся к Шведу, но Алекс, не целясь, выпустил в его сторону короткую очередь. Пули веером разлетелись по пустому залу, ударили в стену, одна прошла брезент, которым был завешен вход. Свист выронил оружие, кинулся под стол, опрокинул его и спрятался за столешницей.

Из-за стойки начал осторожно подниматься Грешник с автоматом на изготовку. Алекс это предвидел, для того и сместился к стойке, когда началась заваруха. Едва голова Грешника высунулась из-за прикрытия, ствол автомата Алекса ткнулся ему лоб.

– Мы сами разберемся, ладно? – попросил Алекс.

Грешник медленно выложил автомат на стойку и снова сел.

Швед перетянул из-за спины калаш и подошел к завывающему Гоге. Алекс тем временем следил за столом, позади которого прятался Свист, и одновременно косился на стойку. Мало ли, что Грешник положил ствол, у него наверняка там целый арсенал припрятан. Над головой топали тяжелые шаги – охранник из будки спешил в зал. А вот Яны по-прежнему не был видно.

– Яна, ты в порядке? – окликнул Алекс.

В ответ из-за стола донеслись странные звуки – девушка не то икала, не то пыталась изобразить кудахтанье курицы.

Тут Свист, вероятно, решил, что настал удобный момент для бегства и, пригибаясь, метнулся к двери... добежал, откинул полог... что там произошло, Алекс понял не сразу – раздался звучный удар по твердому, невнятный вскрик. Потом в зал шагнул охранник.

– Грешник, что здесь у тебя? Этот хмырь собирался уйти, не расплатившись, или... Что у вас здесь творится? Эй, Грешник! А?

Несколько мгновений охранник хлопал глазами, потом зычно и уверенно заорал

– Стволы на пол! А ну, живо!

Главное в работе вышибалы – уверенность. Он должен сразу показать, что круче всех, после этого уже легче унять буянящего клиента.

Вышибала Грешника этим искусством владел вполне, – Алекс поймав себя на том, что едва не опустил ствол, когда этот мужик начал орать. Но Шведа таким приемом не пронять, он спокойно ответил:

– Не суетись. Мы уже закончили... почти. А вот ты парня ни за что замочил, это зря. Он просто убежал, ничего плохого не хотел... больше.

– Замочил? Да я прикладом... слегка по тыкве... чтобы не так шустро бегал.

– Может, и слегка, а звук был такой, как будто прикончил ты его.

Пока вышибала растерянно хлопал глазами, опасаясь оглянуться на сбитого с ног Свиста и потерять из виду вооруженных пришельцев, Гога все баюкал пробитую ножом руку и тихо скулил. Услышав о прикладе и тыкве, он истерично завопил:

– Завтра Котел здесь будет с парнями! Он вам за нас бошки-то поткручивает! Вы на кого наехали?! На Черный Рынок наехали? Завтра со всеми разберемся!

Швед шагнул к нему и вроде бы не сильно ткнул стволом автомата под дых. Гога подавился угрозами и захрипел. Швед выдернул нож из его руки, что могло бы вызвать новый взрыв воплей, но Гога только сипел – тычок в грудь вышиб из него дыхание.

– Рассказывай, – потребовал Швед. – Только без соплей и визга. Когда будет? Что за Котел такой? Сколько народу с ним? И куда направляются?

Потом бросил через плечо:

– А ты можешь опустить ствол и поглядеть, что со вторым байкером. Ничего интересного ты не пропустишь, слово даю. Грешник, да вылезай уже! Скажи своему парню, чтобы не шустрил, мы все решим по-доброму. Эти, из Черного Рынка на нас сами полезли, а мы всего-то защищались. Причем очень аккуратно, никому голову на разбили, заметь.

Грешник осторожно выглянул из своего укрытия, покосился на Алекса, который держал калаш наготове, потом бросил взгляд на неподвижно лежащего Свиста... и кивнул вышибале:

– Все в порядке.

Гогу усадили на стул, одна из целовавшихся с ним девушек протянула полотенце, чтобы перетянуть пробитую руку. Тем временем

охранник втащил Свиста, растерянно бормоча:

– Как же так, только остановить же хотел... Откуда я мог знать, что он на голову слабый-то...

Швед неторопливо вытер окровавленный клинок о рукав Гоги и покачал острием перед носом пленного:

– Давай рассказывай. Если все расскажешь, я тебя не трону.

Кочевник уже оправился, и теперь настороженно разглядывал Шведа. Он, наверное, попытался бы броситься на противника, что-нибудь предпринять, но шансов у него не было, и он начал рассказывать. Вот что Гога поведал: Котел – предводитель сильного клана, он получает приказы от самого Хана. Сейчас Хан велел клану Котла преследовать армейцев, которые вторглись на территорию Черного Рынка. Неприятеля нужно нагнать и уничтожить, попутно выяснив, что возрожденцам здесь понадобилось. Гогу и Свиста Котел отправил далеко вперед, на разведку. Но началась буря, были признаки надвигающегося Шторма, поэтому Гога, вместо того чтобы двигаться дальше по дороге, переждал опасность на Перекрестке у Грешника. Все знают: здесь погреб надежный, можно отсидеться. А утром байкеры покатали бы дальше.

Пока он рассказывал, Алекс сгреб со стойки автомат хозяина и разрядил. Правда, из виду он Грешника все равно не упускал. Да тот и не пытался сделать ничего плохого, ему тоже было интересно, что скажет кочевник. Когда речь зашла об армейцах, он кивнул:

– Точно, сегодня проехали по дороге, еще затемно, до рассвета.

Тут наконец из-за столов показалась Яна. Она была бледной и утирала рот.

– Что с тобой? – тихо спросил Алекс.

– Потом расскажу. Дай послушать. Видишь, армейцы уже проехали. Сечешь, куда они движутся? А мы опять отстали.

Но Гога больше ничего не рассказал. Закончив описывать ситуацию с Котлом и возрожденцами, он хмуро уставился на Шведа:

– Ну, я рассказал. Теперь что?

Швед повертел нож, вглядываясь в игру света на лезвии. Потом ответил:

– Я же сказал: не трону. Грешник, слышишь? Наша ночевка отменяется. Мы уходим. Эй ты, как тебя, Гога! Ключи давай.

– Какие ключи?

– От байка, какие же еще? Ты Котла здесь подождешь.

– Э, не было уговора байк мой забирать!

Швед молча протянул руку, и Гога со вздохом отдал звякающую связку – ключ зажигания и пару массивных брелков, один в виде черепа, другой – какой-то замысловатый, с латинскими буквами. Швед отцепил ключ и бросил украшения на колени Гоге.

– Ну, бывайте, что ли... Мы уходим.

Грешник нагнал уходящих у двери, когда Швед, откинув полог, пропустил Яну.

– Слушай, а как же этот? Толстый?

– А что с ним? – невозмутимо спросил Швед.

Оба глянули в зал. Гога укачивал раненую руку, вышибала стоял позади него.

– Ну, как же... – Грешник облизнул губы и быстро заговорил, – ты что, не понимаешь? Он вам мстить наладится. Он же убийца, головорез! Не простит вам! Байк, опять же... Он его вернуть должен! И атаману своему о вас такое распишет!

– Сперва он расскажет, как охранник с Перекрестка его напарнику башку расколел. Так что решай сам.

С этими словами Швед шагнул наружу. Когда пошли под навес к мотоциклу, Яна заговорила:

– Это правда, я вспомнила. Было дело, увела я рюкзак у этого толстого. Ну, мало ли, у кого я что крала, я же не могу всех в голове держать! Увела рюкзачок, а там...

Она порывисто вздохнула.

– Что там?

– Уши отрезанные, много! И детские тоже. Я как вспомню, всякий раз блевать тянет, не могу сдержаться.

– Ладно...

Швед занялся мотоциклом, а Алекс спросил:

– Что ж ты? Такая ловкая, а они тебя запомнили.

Яна несколько смутилась и объяснила:

– Когда брала рюкзак, они не видели. Потом уже заметили, когда я его обратно вернула.

– Обратно?

– Ну да. Только сперва туда кой-чего сделала, в рюкзак этот, Лес бы его забрал.

– Чего сделала? – не понял поначалу Алекс.

Швед издал короткий смешок – он сообразил первым.

– По-большому сделала, – сердито буркнула Яна. – Вот они и бьются, ясно?

– Ладно, по местам, команда, – буркнул Швед, усаживаясь в седло. – Свистать всех наверх и все такое. Поехали, не будем мешать Грешнику, ему сейчас важное дело предстоит.

Он врубил мотор. За пологом, в зале, раздался выстрел, послышался звук падения грузного тела... Но Швед дал газ, и все звуки потонули в реве байка...

Подпрыгивая на ухабах и брызгая грязью из луж, мотоцикл выбрался на трассу, и там Швед дал газ. В свете фары дорога казалась белой, трещины четко прорисовывались на асфальте, и тут же уносились назад...

– Хорошо! – прокричала сквозь рев мотора Яна. – Так быстрее получится! Опредим всех, добыча наша будет! Черный-то Рынок отстал, этот самый Котел только-только разведчиков высылает!

Швед гнал часа три, не меньше. Яна, несмотря на тряску, уснула в коляске. А Алекс, пряча лицо от ветра за широкой спиной Шведа, размышлял: как странно получается... Грешник сам прикончил Гогу. Вернее, кивнул вышибале, но какая разница? И снова, как тогда, со Ржавым, – Алекс радовался, что не пришлось убить самому, и испытывал муки совести. Конечно, так сложилась ситуация, но Алекс не сказал ни слова против. Пусть Гога распоследний гад, но все же... Герои любимых книг не одобрили бы убийства... Легко быть героем книги! И трудно быть человеком, ох как трудно...

Глава седьмая

Битва за Елизаровку

Они мчались на запад, потому что туда вела дорога, а пока не закончилось горючее, нужно убраться как можно дальше. И, кстати, военные наверняка держатся старой дороги, независимо от того,

куда именно их колонна направляется. Если ты на колесах, дорога предпочтительней.

Когда позади небо стало светлеть и наливаться краснотой, Швед затормозил. У дороги чернели стены какого-то сооружения.

– Покемарить нужно, – объяснил Швед. – Хоть пару часов посплю. Вот какая-то домина, там и заночуем.

Потом кивнул на Яну свернувшуюся в коляске:

– Смешная девчонка. Но вроде славная, как считаешь?

– Я не сплю, – не открывая глаз, пробурчала Яна, – я славная. Чего тут считать!

– Вылезай, славная, пойдем ночлег осмотрим.

Девушка, зевая и потягиваясь, выбралась из коляски. Швед покатил мотоцикл к руинам. Это было двухэтажное кирпичное строение с провалившейся кровлей. Внутри оказалось сыро и грязно, с гнилых стропил мерно падали капли. Путешественники кое-как устроились под остатками перекрытия, и распределили, кому когда караулить. Первой, конечно, была Яна, которая выпалась в дороге. Когда она разбудила Алекса, тот насторожился – в углу раздавался отчетливый шорох.

– Ничего, – вздохнула Яна, – это всего лишь крысы. Не люди – значит, беспокоиться не о чем.

– Да, таков наш мир, – согласился Алекс. – Крысы лучше, чем люди.

Утром они обыскали мотоцикл. Швед, ворча, выбросил барахло кочевников на дорогу – ничего полезного, таскают с собой всякую дрянь. Потом перелили горючее из полупустой канистры в бак и покатали дальше на запад по старому шоссе. Дорога за ночь немного подсохла, а потом и вовсе потянулось сухое полотно. Значит, беглецы миновали полосу, накрытую вчерашним дождем. А когда взошло солнце, впереди показался поселок. Не заброшенные руины, а обжитое место, там уже затопили печи, и в чистое голубое небо над заборами и крышами поднимались дымки.

– Заедем туда! – проорал сквозь рев мотора Швед. – Бензин на исходе! Или заправимся, или мотоцикл на жратву сменяем!

Байк, подпрыгивая на выбоинах, катил к поселению. Там пришельцев слышали – Алекс увидел, что из-за заборов показались люди. Еще он успел разглядеть, что шоссе на въезде в поселок перегоро-

жено баррикадой из бочонков, бревен и мешков. Подробностей разоб-
раться он не успел – затрещали выстрелы, пули свистнули в опасной
близости, и Швед вывернул руль, уводя мотоцикл с дороги. Визжа
разболтанными рессорами, грохоча и дребезжа, байк перепрыгнул
наполовину занесенный землей кювет, запрыгал по ухабам и ямам.
Яна что-то кричала, Швед ругался, но Алекс не мог разобрать ни
слова из-за грохота и лязга. Стрельба не прекратилась – бродяги из
поселка палили вслед, и Швед гнал мотоцикл, пока не укрылся в
редколесье.

Когда выбрались на асфальт, горючего оставалось совсем чуть-
чуть, стрелка датчика уже легла в красную зону. Алекс с тревогой
прислушивался к работе мотора, тот чихал и подвывал... Яна ты-
кала пальцем в сторону от шоссе: девчонка углядела колеи там, где
тяжелая техника покинула асфальт и взрыхлила грунт, сворачивая на
бездорожье.

– Это армейцы! – выкрикнула она. – Здесь с шоссе свернули! И
нам туда же, мы за ними движемся! К той же цели!

Швед свернул там же, где остались следы широких колес с руб-
чатым протектором. Но горючего хватило лишь на несколько сот
метров, потом двигатель заглох. Пошли пешком, и вскоре Швед по
привычке стал размышлять вслух:

– И чего они нас обстреляли? В поселке. Может, это рыночные
были? Вроде нет. Судя по шмоткам, обычные бродяги. Не понимаю!

Под его бормотание Алекса на ходу стало клонить в сон. Потом
впереди блеснула вода, они приближались к речушке. Здесь вряд ли
было глубоко, но мокнуть не хотелось, и путники свернули вдоль
берега, направляясь к мосту. Вокруг по-прежнему не было ни души.

За рекой показался еще один поселок бродяг. Яна клятвенно заве-
рила, что в здешних местах она не бывала и, стало быть, никаким
образом засветиться не могла. Швед решил рискнуть и зайти в посе-
лок – узнать, проезжали ли здесь военные. Им-то с техникой точно
нужно было через мост переправляться, местные должны были за-
метить. Когда подошли поближе, оказалось, что и здесь готовятся к
бою. Улица снова была перегорожена баррикадой, людей не видно.
Окна старых халуп закрыты ставнями, и никакого движения, если не
считать дыма над трубами.

К окраине поселка путники приближались медленно, с опаской поглядывая, не покажется ли из окна ствол. К баррикаде вышло несколько человек, они тоже смотрели на пришельцев, все были при оружии, но огня пока не открывали.

– Идем медленно, – велел Швед. – За оружие не хвататься!

Шагов за тридцать он окликнул:

– Эй, люди! День добрый!

Из-за баррикады отозвалось несколько голосов, вразнобой поприветствовали пришельцев.

– У вас что, война началась?

– Вроде того, – отозвался один из местных, пожилой мужчина с черной повязкой, прикрывающей глаз. – А вы кто будете?

– Так, прохожие, – ответил Алекс. – Можно к вам зайти? Или вы чужих не впускаете?

– Заходите, чего же, – кивнул кривой, – только насчет войны – это не шуточка. Ждем нападения Черного Рынка, потому и эти приготовления.

Пришельцы перебрались за баррикаду и остановились рядом с местными. Те хмурились, поглаживая оружие. Кривой, похоже, был у них за старшего, он говорил, остальные помалкивали. Оказалось, что у него не хватает не только глаза. Вместо левой ноги был деревянный протез. Увечье местный староста получил, должно быть, уже давно, потому что протезом пользовался ловко, обходился без костылей. Здешние бродяги заметно отличались от выселковских – все какие-то грязные, оборванные. Похоже, их кривой предводитель, в отличие от Власова, не пытался возродить порядок, здесь выживали, кто как мог.

– А армейцы по этой дороге не проезжали? – спросила Яна.

– Проезжали. Сперва они прокатили, быстро, не задерживаясь. Я еще подумал: хорошо, что они спешат, – Армия Возрождения нам здесь не нужна, но в этот раз они не в наши края, а куда-то дальше. А вот потом... Прошло, может, часа два-три, подкатили на байках эти, из Черного Рынка. И давай орать! Подавай им жратву, подавай им выпивку!

– Подали?

– Я бы им еще подал, но они, едва до стрельбы дошло, свалили

сразу. Уезжая, грозились, что вернутся с силой и все здесь с землей сравняют. Вот и ждем.

Швед потерял бороду:

– Они всегда грозятся. Только выхлопа больше, чем газа. Ты что ж, в самом деле считаешь, что они вернутся мстить?

– В этот раз вернутся, – вздохнул кривой. – Они в Нахаловку вчера вечером заскакивали. Там даже без слов – сразу палить начали. Кого-то насмерть, кого-то ранили. Похоже, те самые, которых мы шуганули.

– Нахаловка – это поселок восточнее, на шоссе? – уточнил Алекс.

– Он самый. Прозвали так, Нахаловка. Лес его знает, как то место раньше называлось. Мы-то знаем, что здесь Елизаровка, я сам здешний, коренной житель. Меня Костей зовут. Костя Гнатенко. А в Нахаловке только пришлые, в основном из Днепропетровска.

Яна показала Шведу язык:

– Вот тебе. Понял, почему они стрельбу подняли? А ты меня винил!

– А что, нахаловские по вам стреляли?

– Было дело, – Швед подергал бороду. – Мы ж к ним на мотоцикле подкатили. Значит, они нас за кочевников приняли, потому и встретили пулями.

– На мотоцикле? – Калека нахмурился. – А вы, может, сами из Черного Рынка, а?

Местные переглянулись, стволы в их руках шевельнулись.

– Нет, байк мы у них увели, – быстро ответил Алекс. – Пока бензина хватало, гнали по шоссе, потом бросили.

– А где бросили-то? – спросил кривой.

Швед описал место, где оставили мотоцикл, и отдал старосте ключ зажигания:

– Держи, вдруг пригодится? Машина-то на ходу, только горючего нет. Мы ж сюда уже не вернемся, нам ни к чему.

Костя взял ключ и заявил:

– Вот теперь верю! Были бы вы из кочевников, на ключе б обязательно груда железа болталась, эмблемки, амулетики, всякое барахло! Они ж там, в Черном Рынке, все прибацанные, суеверные! Думают, если железную черепушку на ключ навесят, это поможет. А

хрена им! Пусть только появятся, мы им покажем! Покатаются обратно, гремя своими цацками!

Бродяги заулыбались. После этого разговор пошел более доверительный. Кривой начал уговаривать путников остаться у них:

– Черный Рынок сюда придет, вместе отобьемся. А застигнут вас где-то на пути, пропадете. Я сперва думал, они снова с места снялись и кочуют куда-то. Но нет, просто выслали несколько отрядов по какой-то причине в наши края. Не знаю, что им здесь понадобилось, однако добром это не кончится, будет стрельба и кровь прольется, точно. Это у рыночных вроде охоты, когда Хан их куда-то посылает. По пути могут на любого напасть, так что лучше им не попадаться.

– А если не нагрянут кочевники? – спросила Яна.

– Ну, так погостите у меня, – улыбнулся Костя. – А потом дальше двинете по своим делам, о которых я, конечно, не спрашиваю. Только они точно к нам наведаются, и ваши стволы лишними не будут. По рукам? Я вас тогда к себе сведу, поедите, отдохнете.

Швед ответил на рукопожатие. Потом, когда шагали за ковыляющим по улице Костей, он объяснил спутникам:

– Вчерашний день суматошный выдался, трудный. Потом гнали всю ночь. Вы молодые, вам, может, и ничего, а мне отдых требуется, – и, понизив голос, закончил, – к тому же мне совсем не нравится это дело – вступать между возрожденцами и кочевниками. Пропустим рыночных, пусть насаждают на армейцев, пусть бьются с ними, а мы выждем. Поглядим, чем у них дело закончится. Согласны?

– А ты нам выбор оставил? – отозвался Алекс. – Уже согласился в Елизаровке задержаться.

– Однако я прав?

– Прав, конечно, все равно мы отстали от армейцев, а кочевники движутся быстрее. Нагонят нас, без вопросов. Лучше их вперед пропустить.

Улица, по которой они шагали, больше напоминала руины, чем обжитое место. Часть домов пустовала, в некоторых жили бродяги. Здесь поселенцы заняли старый поселок, заселились в брошенные дома без всякого плана, кому где понравилось. Швед озирался, качал головой и теребил бороду.

– Плохо здесь защищаться, – наконец заявил он Косте, – живете,

как Лес на душу положит, один заселенный дом там, другой здесь, между ними все заброшено. Из-за того что жилые дворы вразброс, площадь большая получается. Как линию обороны организовать? Да никак! Не уследишь за периметром.

– Думаешь, кочевники за нас всерьез возьмутся? Нет, они сунутся, мы их шуганем из всех стволов, они выругаются и дальше покатят. Тут главное, чтобы стволов побольше, отпугнуть их сразу. Вот я вас и зазвал.

– А на обратном пути? – спросила Яна. – Вот будут возвращаться, и припомнят вам.

– А ты думаешь, они обратно той же дорогой поедут? – Костя задумался. Похоже, эта мысль к нему раньше не приходила, его стратегия заключалась только в том, чтобы «шугануть», и дальнейших планов он не строил. – Ну, что-нибудь придумаем. Заходите, вот моя хата.

Дом Кости был такой же унылый, как и вся Елизаровка. Хозяин не утруждал себя тем, чтобы поддерживать подворье в порядке. Все было завалено хламом, огород позади хаты зарос сорняками, в окнах половина стекол заменена фанерными листами. Но Костю это не смущало, он вывалил перед гостями всю снедь, какая нашлась, и широким жестом пригласил к столу.

Швед велел:

– Леха, доставай из рюкзака, что там нагружено.

Припасов, которые выложил на стол Алекс, было не меньше, чем предложенного Костей угощения, но калека воспринял этот факт как должное. Вот только спокойно поесть не удалось, с улицы донесся крик одного из Костиных земляков:

– Эй, Гнатенко! Косой! Хорош обедать! Пыль на дороге!

– Пыль? – Костя вскочил, громко стукнув деревяшкой о пол. – Кочевники, Лес им в глотку! Даже пожрать не дали!

Дожевывая на ходу, все поспешили из хаты. Посыльный топал по улице первым, Костя ковылял в хвосте. Когда они добрались к баррикаде, там уже собралось два десятка вооруженных бродяг, среди них было несколько женщин, тоже с оружием. Алекс взобрался на баррикаду – точно, по дороге приближалось облако пыли, впереди виднелись три мотоцикла кочевников, а кто катит за ними, не разглядеть – пыль скрывает. Но клубы порядочные, отряд Черного Рынка

довольно крупный.

Костя, отдышавшись, стал распоряжаться. Никакого плана он заранее не продумывал, оглядывался и с ходу решал, куда отправить бойцов – на крышу, в заброшенные соседние дома, несколько человек получили приказ разместиться в развалинах справа и слева, следить, чтобы не обошли. Как всегда в таких случаях, началась суматоха, елизаровские жители путались в приказах, Костя орал, повторяя распоряжения, путался сам...

– Мы здесь останемся, – заявил Швед. И присел на угол двустворчатого шкафа, торчащий из основания баррикады.

Алекс был с ним совершенно согласен. Отсюда, по крайней мере, просматривается дорога и будет ясно, как развиваются события.

Мотоциклисты остановились, ветерок стал сносить пыль, и можно было разглядеть, как кочевники суетятся позади своих байков.

– Не стрелять, пока не стрелять! – прикрикнул на своих Костя.

Местные и сами не спешили открывать огонь. В таких ситуациях где-то на окраине сознания всегда бьется мыслишка: а вдруг обойдется, а вдруг пронесет? Но не пронесло. Кочевников молчание защитников баррикады, видимо, только подогрело. Устроившись за мотоциклами, они первыми начали стрелять. На таком расстоянии их огонь был не слишком прицельным, пули били в баррикаду, свистели в воздухе.

– Ну, братцы, готовься! – азартно объявил Костя. – Сейчас мы их шуганем. Главное, всем дружно ударить, в лад!

А его это заводит, подумал Алекс, снимая автомат с предохранителя. Лицо инвалида словно светилось изнутри, перестрелка его каким-то образом воодушевляла. Он едва не пританцовывал на деревянной ноге, предвкушая бой...

– Дружно, разом... по моей команде... – приговаривал Костя.

– Так давай уже, командуй, Косой, – подал голос один из местных.

Почти никто из елизаровских вовсе не испытывал азарта. Было заметно, что людям совсем не хочется воевать.

– Не дергайся! – прикрикнул Костя. – Пукалку свою зарядил? Вот и жди, пока скажу!

К стоящим мотоциклам по дороге подтянулись и другие кочевники, эти передвигались на повозках. Алекс, осторожно выглянув из

укрытия, разглядел телеги, с них спрыгивали бойцы Черного рынка, отбегали с дороги в стороны.

– Вот сейчас! – заорал Кривой. – Давай, братцы! Ну!

Войско его было не тренированное, не приученное к совместным действиям, поэтому стрельба получилась не дружная, все палили вразнобой. Алекс отлично понимал замысел инвалида: одним мощным залпом огорошить и отпугнуть кочевников. Если получится, те решат, что проще не связываться с елизаровскими и отправятся дальше в объезд. Но вышло не очень убедительно.

Правда, хотя и не дружный, залп с баррикады и соседних зданий все же накрыл кочевников, Алекс увидел, что двое рыночных упали... И тут пошла настоящая пальба – теперь десятка два стволов поливали свинцом баррикаду так, что и голову поднять было невозможно. Когда стрельба немного ослабла, Швед заявил:

– Леха, Яна, лезьте вон за ту трубу, она защитит.

Толстенная ржавая труба была зарыта в основании баррикады, поверх нее накидали хлам полегче и не такой надежный в смысле пуленепробиваемости. Алекс высунулся и глянул на дорогу – рыночные распрягли телегу на автомобильном шасси, обшитую стальными листами, и теперь толкали ее по асфальту – к изрешеченным пулями байкам. Между броневыми листами в широкой прорези покачивался длинный ствол чего-то явно крупнокалиберного. Яна послушно присела за трубой, Алекс устроился рядом.

Поблизости надрывался Костя:

– Огонь! Огонь! По той железной дуре – огонь! Не давайте ее вывести на позицию!

Его земляки старались, как могли, но кочевники держались под прикрытием «дуры» и толкали ее вперед. Вот тяжелая повозка ткнулась в замерший на дороге байк и опрокинула его. Ствол в прорези пополз, опускаясь – стрелок, укрытый под броней, брал прицел.

Швед громко заорал, сразу перекрыв Косого:

– Ложись! Ложи-и-ись!

И продолжая орать, нырнул за стальную трубу – к Алексу и Яне. Алекс пригнулся еще ниже, он уже не видел, как затряслась обшитая сталью пулеметная повозка. Пули крупного калибра заколотили по баррикаде, гулко застучали по металлу, и труба, за которой укрылся

Алекс, отозвалась протяжным оглушительным звоном. Груда хлама, наваленного поперек дороги, пришла в движение, сверху стали осыпаться ящики и канистры... Алекс мгновенно оглох – в ушах стоял звон. Он видел, как Швед прикрывает уши руками, видел раскрытый рот Яны, но слышал только гул металла. Даже когда баррикада перестала трястись и, значит, пулемет смолк, и тогда в голове звенел стон железа. Алекс несколько раз сглотнул, чтобы выбить несуществующую пробку из ушей. Яна погладила кончиками пальцев выпершую из круглого бока трубы вмятину, ее губы шевельнулись, и Алекс с трудом, словно сквозь толстый слой ваты, различил:

– Вот это да! Какой же здесь калибр?

Слух постепенно стал возвращаться. На дороге никто не стрелял, елизаровские тоже притихли, троих бродяг пулеметчик прикончил на месте, тела распластались под иссеченной очередями баррикадой.

– Зенитный, что ли? – задумчиво произнес Швед, приподнимаясь. – Двенадцать и семь десятых миллиметра. И где откопали его только, Лес их знает. Эй, генерал Гнатенко, ты живой?

– А? – Костя приподнялся из лужи, в которую рухнул, когда заговорил крупный калибр. Сплюнул грязью и утер лицо, размазывая черные полосы. – Живой? Я-то живой...

– Ну тогда давай команду своей армии. Что делать будем? Они же сметут нас этой дурой! Она все насквозь прошивает!

Яна снова погладила вмятину в металле и буркнула:

– Пулемет-мутант!

Алекс рискнул приподняться и выглянуть. Кочевники почему-то не спешили воспользоваться достигнутым эффектом. Несколько человек стояли на дороге, даже не скрываясь, и орали, размахивая руками. Появился еще один мотоциклист, он тыкал пальцем, указывая куда-то в небо над Елизаровкой, и, похоже, спорил со всеми сразу. До Алекса донеслось:

– Спешить... приказал бросить свои забавы... Армейцы... быстро...

– Кажется, нам повезло, – объявил Алекс. – Их авангард наткнулся на возрожденцев, и главарь рассылает приказы всем подтягиваться. Они за армейцами охотятся, это важнее развлечений в Елизаровке. Если так, они вас обойдут и поспешат на соединение со своими.

– А потом разберутся с армейцами и вернутся, чтобы с вами закончить, – мстительно добавила Яна.

Косой ее не слушал. Он, забыв об опасности, вытянул шею и жадно глядел, как кочевники откатывают пулеметную повозку и осматривают мотоциклы. Они и впрямь собирались уходить. Когда взревел мотором первый заведенный байк, Костя радостно окликнул своих:

– Эй, мужики! А ведь мы победили! Уходят рыночные. Уходят! Отогнали мы их! Ну? Чего молчите? Победили мы!

Его люди неуверенно переглянулись, одна из женщин сплюнула и сердито сказал:

– Дурак ты, Косой. Если бы они не спешили, всем бы нам здесь и конец, как Хохлатому.

Она указала искалеченное тело на баррикаде:

– Вон, гляди! Гляди, дурень, и радуйся! А я не знаю, как Катерине теперь в глаза глядеть. Как ей сказать, что мужика убили?

Ее поддержала другая баба, потом к их ругани стали присоединяться мужчины:

– Тебе, Косой, только подраться дай. А люди погибли. Ни за что!

– Как это ни за что? – опешил Косой. – Да если бы мы не стали защищаться, они бы здесь всех на уши поставили! Еще неизвестно, скольким бы тогда конец!

– Но ты ж мог что-то придумать! Нас, как дичь, валили, а мы и высунуться не могли! Головы поднять не могли!

Тем временем кочевники запрягали повозки, ревели моторами байков, первая машина уже катила с шоссе, переваливаясь через полузанесенный землей кювет...

Алекс ткнул локтем Шведа и сказал:

– По-моему, пора валить. В Елизаровке назревает революция, нам встречать ни к чему. Куда армейцы идут, мы уже знаем, и Черный Рынок нас опережает. Поторопиться бы, может, и мы успеем?

Швед кивнул и обернулся к Косте:

– Ну, вы тут свои дела улаживайте, как хотите, а мы пойдем. Спасибо, так сказать, за веселую компанию.

Костя кивнул и, похоже, мгновенно забыл о пришлых. Он обернулся к землякам и стал орать, разом заглушив все их попреки:

– Вы недоумки! Что я мог придумать? Откуда мне было знать, что

у них такой ствол при себе имеется? Мы кочевников встретили, отогнали их! Защитили дома и семьи! Отстояли Елизаровку!

Швед с Яной и Алексом зашагали по улице, а сзади не смолкал горячий спор. И Косой по-прежнему орал громче всех:

– Не нравлюсь я вам? Так выберите другого! Мне плевать! Я не напрашивался! А только все равно лучше меня вам никого не найти!

– Весело здесь у них, – заявил Алекс. – Я вот Власова вспоминаю. Тот в Выселках порядок наводил, какие-то законы все время провозглашал, правила общие для всех вводил... а здесь живут, как придется. Лес из них все порядки вышиб, ничего не осталось.

– Здесь воровать легче, – авторитетно заявила Яна. – Никто не почесется, если к соседу полезешь. Но зато и риск больше. В Выселках, если на горячем поймают, то судить будут, долго, занудно, Власов станет речи говорить... со скуки помереть можно!

– А здесь? – спросил Швед.

– А здесь речи никому не нужны, прибьют на месте, если поймают, – Яна пожала плечами. – Меня, конечно, не поймают. Но если кто-то не такой ловкий, то работать в таких поселках, как Елизаровка, очень рискованно.

Потянулись разоренные дворы, поваленные ограды, выбитые стекла домов, заросли бурьяна в сорванных с петель калиток...

– Одичали люди, – заговорил Алекс, когда они забрали свои вещи и дом Гнатенко остался позади. – Еще хуже, чем Черный Рынок, у тех хоть какие-то обычаи, традиции, суеверия. Не законы, так хоть что-то. А у елизаровских – ничего. Вообще ничего!

– Все сравниваешь, следы цивилизации ищешь? – откликнулся отшельник. – И к чему это?

– Я понять хочу, почему это произошло? Ну, почему именно сейчас, именно с нами? Может, это такой прогресс человечества? Может, наша цивилизация зашла в тупик, и лучше без нее? Может, пришло время расчистить место для чего-то нового?

– Нет, это вряд ли, – возразил Швед. – Мы ведь это уже пережили, я имею в виду: человечество пережило. Когда Римская империя рухнула. Помыкались без единого мирового порядка и снова начали что-то в таком духе строить. Варварские короли приближенных стали звать патрициями, законы на основе римского права вернули

взамен своих. Так что, как ни верти, если мы и сворачиваем, как нам кажется, с пути развития цивилизации, то, потыкавшись в стороны, все равно возвращаемся к старому. Нет, Лешка, не тешь себя – это не по человеческой воле мир рухнул. Нет, здесь другая сила вмешалась. А елизаровские анархисты – это так, случайный выверт. Они долго не протянут.

Путешественники достигли околицы – дома на окраине лежали в руинах, видно было, что Лес не захватывал это место, но и здесь ощущалась его близость. Сквозь развалины пробились молодые деревца, сорняки буйно разрослись на грудях кирпичей, внешняя вода уже прорыла русло вдоль прежней улицы... Обвалившиеся хаты постепенно превращались в пригорки, улица вскоре станет оврагом... Несколько лет – и природа вернет это место, следы человеческого присутствия скроет земля и зелень.

– Цивилизация, – проворчал Швед, озираясь, – как мало времени понадобилось, чтобы ничего не осталось. Силен Имир, силен. Столько веков проспал, а силен по-прежнему.

– Тихо! Слышите? – перебила его Яна. Время от времени ветер доносил звуки далекой стрельбы. – Бой идет!

Швед насторожился. Потеребил бороду и заметил:

– Рановато. Это не те, с которыми елизаровские бодались, те не успели бы.

– Значит, Черный Рынок ударил по армейцам, не дождавшись, пока все отряды подтянутся, – рассудительно заговорил Алекс. – Здесь несколько кланов преследуют отряд Армии Возрождения. Передовые не утерпели, так хотелось подраться. Что ж за фитиль такой у них в задах образовался?

– Или им Хан награду обещал, – подсказала Яна. – Рыночные очень любят себя показать, чтобы Хан заметил.

Швед их не слушал, он вытащил карту и изучил подтертые места. Потом объявил:

– А ведь похоже, здесь были какие-то отметки! Вполне возможно, армейцы уже на объекте, и отбиваются. Рыночные опоздали, потому и торопятся выбить оттуда Армию Возрождения поскорее.

– На каком объекте?

– А Лес его знает, на каком... – Швед свернул карту и оглядел горизонт. – Нам туда!

Алекс проследил его взгляд и заметил столб дыма. Хороший ориентир!

Пока ковыляли в обход заболоченного участка, где дорога скрылась под грязной водой, рядом с первым вырос второй дымовой столб. И звуки стрельбы доносились все чаще и чаще. Дальше был поворот дороги, за ним обнаружилась повозка. Владельцы спешили, и, когда лошадь пала, попросту бросили ее у обочины, даже не задержались, чтобы забрать упряжь. Швед подошел поближе и склонился над мертвым животным. Яна забралась в повозку и деловито обшарила все углы. Потом выпрямилась и объявила:

– Ничего!

Алекс пожал плечами:

– А на что ты рассчитывала?

– Ну, мало ли... всегда нужно проверять, вдруг что-то забыли, – рассудительно пояснила девушка.

– Лошадь убита пулями, – подал голос Швед. – Здесь они встретились с армейцами. Вернее, здесь армейцы их засекли. Дозор, думаю. Увидели кочевников, издалека открыли огонь. Убили лошадь. Потом, конечно, смылись. Яна, ты высоко сейчас, глянь, что там, за рощей? Дымит там что?

Яна выпрямилась во весь свой небольшой рост и даже встала на цыпочки.

– Ну, дымит, – протянула она, вглядываясь. – Нет, ничего не видно, деревья заслоняют. Какая-то старая вышка торчит. Я только крышу могу разглядеть. Дырявую, между прочим.

Швед кивнул и зашагал по дороге. Когда Яна спрыгнула с телеги, Алекс предупредил:

– Если увидишь, что со Шведом что-то не так, падай. Не раздумывай, просто падай и не двигайся.

– Когда начнется стрельба, я все равно прилягу, сами деритесь, – ответила девушка. – А что с ним не так?

– Сам не знаю, но ты запомни мои слова.

Он прислушался к звукам палубы, здесь они были слышны достаточно отчетливо. Яна сперва собралась возразить, но подумала... и

кивнула. Швед дошел до поворота и покинул дорогу, направляясь к кустам, разросшимся у опушки. Яна с Алексом поспешили за ним. Швед прошел сквозь подлесок, аккуратно раздвигая ветки. Автомат он держал наготове. Алекс, глядя на него, тоже поправил оружие и проверил, на месте ли запасные магазины.

– Готовься, Леха, готовься, – одобрил Швед. – Что-то сейчас будет. Стреляют на том самом объекте, который красным крестом помечен. Это за мое прошлое бой идет, ну и я в стороне не останусь.

Глава восьмая

Зачистка территории

За лесом лежала равнина, посреди которой находился заброшенный объект – группа приземистых строений, обнесенных колючей проволокой. Сейчас от «колючки» почти ничего не осталось, только цепочка столбов с огрызками ограждения. Вышка, о которой говорила Яна, оказалась не одна – четыре по углам ограды, но ближняя сохранилась получше, на других и дырявых крыш не было, одна и вовсе развалилась, превратилась в косо торчащие балки.

Повозок не было видно. Алекс решил, что их укрыли в лесу. Вперед выкатили только ту, что несла зенитный пулемет. Она замерла посередине между лесом и оградой – из нее и валил дым. Около бронированной повозки расплылось черное пятно выгоревшей травы, а вокруг лежали неподвижные тела. «Что там может так гореть?» – подумал Алекс. Но размышлять было некогда, бой был как раз в разгаре. Похоже, первый приступ армейцы отбили, но Черный Рынок атаковал снова.

– Опоздали! – заявила Яна. – И так армейцы успели первыми, да еще и Черный Рынок подвалил раньше нас. Что теперь делать-то будем?

– Мне туда попасть нужно, – твердо заявил Швед.

Алексу не понравились странные интонации в голосе отшельника. Что-то такое в его словах прорезалось... незнакомое, резкое. На всякий случай он поинтересовался:

– Швед, ты в порядке?

– Я здесь бывал, я знаю это место.

– Вспомнил? – обрадовалась Яна. – Скажи, где добычу искать? Куда нужно пролезть, ты только намекни, а я ночью...

– Нет, ночи ждать не будем, – отрезал Швед. – К ночи здесь ничего не останется. Все расхватают, растащат, это же новая Орда! Где Черный Рынок прошел, что-то искать бесполезно! Нет, нельзя до ночи ждать. Но как бы туда попасть? С кочевниками попробовать? Как будто я один из них, а? А вы меня здесь, в лесу, подождете.

– Еще чего! – вскинулась Яна. – Никуда ты один не пойдешь! Что-бы я все интересное пропустила?

– Вместе попробуем, – поддержал ее Алекс.

На опушке, справа от притаившейся в кустах троицы замелькали темные фигуры – кочевники подтягивались под прикрытием деревьев, чтобы снова пойти в атаку. Они не слишком спешили, и Алекс заметил:

– Похоже, чего-то ждут. Если они так мчались, что бросили повозку, значит, и сейчас должны торопиться, а? Однако не торопятся.

– Получили отпор, теперь не такие шустрые сделались, – фыркнула Яна.

– Нет, Алекс прав, – пробурчал Швед. – Сейчас что-то должно произойти, какое-то изменение обстановки.

Позади затрещали моторы – по дороге катили мотоциклы. Вот головная машина показалась из-за поворота, за ней другая, третья... Пять байков, подпрыгивая, слетели с шоссе, понеслись по лугу. Они пытались развернуться цепью и на ходу открыли огонь, но вышло не очень ловко – на пересеченной местности машины двигались неровно. Тут же ожил лес справа – оттуда побежали, стреляя на ходу, кочевники. Десятка три или даже больше. Армейцы стреляли в ответ из-за ограды. Алекс видел, как они перебегают от укрытия к укрытию.

Теперь выстрелы гремели повсюду, поэтому Алекс не сразу сообразил, что Армию Возрождения атакуют с тыла – где-то у дальнего края огороженной территории тоже началась пальба. Похоже, там атаковал другой отряд Черного Рынка. Неровная цепочка стрелков разразилась криками, приближаясь к поваленной «колючке». Мотоциклисты не могли развить высокую скорость на лугу из-за кочек

и зарослей колючего кустарника, но они уже вырвались вперед, и армейцы сосредоточили огонь на них. Из-за ближайшего здания выкатил БТР.

Башенка развернулась, и стрелок полоснул пулеметной очередью по приближающимся мотоциклистам. Одного накрыл сразу – байк резко свернул, водитель, отброшенный пулями, отлетел назад, мотоцикл ударился передним колесом о кочку и взлетел в воздух. Четверо оставшихся прибавили газу и понеслись быстрее. Пулеметчик в БТР не успевал наводить орудие на цель – башенка разворачивалась, пулеметные очереди выбивали фонтаны дерна и травы позади несущихся байков. Теперь защитники объекта сосредоточили весь огонь на этих целях, забыв о пехоте. Наконец пули настигли еще одного мотоциклиста, зато другой уже достиг столбов ограды. Укрывавшийся там возрожденец вскочил, но Алекс увидел, как мотоциклист взмахивает рукой... гроыхнула граната, взрыв отшвырнул тело армейца.

А стрельба у дальнего края объекта вроде пошла на убыль... что это означает? Атака отбита или сопротивление Армии Возрождения сломлено? Но, что бы ни происходило в тылу армейцев, здесь события продолжали развиваться. Лихой мотоциклист, прорвавшийся за ограждение, помчался к бронетранспортеру. Армейцы вскакивали, разворачивались, стреляли по нему, но кочевнику невероятно везло – он оставался в седле. БТР уже сдавал назад, но байкер, подкатив на расстояние броска, швырнул гранату под колеса. Тут его настигли пули, и он свалился вместе с мотоциклом.

БТР, на боку которого после гранатного разрыва появилась серая подпалина, снова покатила вперед и вбил широкими скатами мертвого противника в землю. Алекс завертел головой, отыскивая последнего мотоциклиста, но увидел лежащий в траве байк, водителя уже подстрелили.

Тем временем цепочку пеших кочевников от ограды отделяло лишь метров двадцать-тридцать. БТР катил навстречу, башенка разворачивалась, и снова заговорил ПКТ. Пулеметные очереди заставили штурмующих задержаться, кочевники попадали там, где нашлось хоть какое-то убежище. Под прикрытием огня из БТРа армейцы стали отбегать к зданиям – занятую позицию они потеряли. На доро-

ге – там, откуда прикатили байки, – показалась толпа вооруженных кочевников. На повороте они сноровисто разбежались в стороны и потрусили к объекту. БТР стал разворачиваться, башенка вращалась, пулеметчик изо всех сил старался удержать на месте хотя бы первый отряд Черного Рынка, но кочевников оказалось слишком много.

– Вот как, – объявил Швед. – Здесь несколько кланов! Народу много, в лицо друг друга все знать не могут. Смекаете, какой у нас шанс?

– И еще один отряд с тыла атакует, – добавила Яна. – Врываемся с ними?

– Да, пора!

Швед первым оставил заросли и побежал через луг к «колючке». Яна за ним. Алекс только на бегу сообразил, о каком шансе спрашивал Швед. Если здесь бойцы из разных отрядов, вряд ли они знают в лицо друг друга. Можно пробраться вместе с ними... но вот что дальше? Однако раздумывать было поздно. Троица оказалась в самом центре вновь образованной цепи атакующих. Справа те, что атаковали из леса, слева – прибывшие по дороге. Теперь, когда БТР откатывался назад, рыночные дружно устремились к оgrade, стреляя и выкрикивая угрозы. Швед тоже заревел:

– Бей возрожденцев!

Алекс торопился за ним, стрелял не целясь и орал. Так они вместе с кочевниками преодолели цепочку столбов. Армейцы, отступая, уже скрылись среди бетонных зданий, БТР вкатился за ними в просвет между серыми стенами. В стороне, у КПП, еще шла перестрелка, но здесь армейцам негде было закрепиться – глухие, без окон, стены не позволяли организовать оборону. Где-то за зданиями снова загремели звуки перестрелки – отступающие армейцы наткнулись на кочевников, которые атаковали с тыла. Длинно загремел пулемет, грохнули разрывы гранат... Алекс решил, что БТР подбит, но пулемет загремел снова – теперь уже не ПКТ, а крупнокалиберный КПВТ. То ли патроны к калашникову у стрелка закончились, то ли цель в этот раз требовала более мощного огня.

Рыночные толпой устремились в проход между зданиями, передние стреляли, а те, кто оказались сзади, поддерживали их азартным воем. Швед ухватил Алекса за руку и бросил:

– Не спеши. Не лезь в толпу.

У здания, стоящего с краю, осталось несколько кочевников. Двое перевязывали раненого, другие остановились у входа.

– Проверим, что там! – скомандовал старший.

По его знаку боец пинком распахнул дверь, и командир группы бросился внутрь. Захлопали выстрелы. Швед покачал головой и зашагал мимо. Алекс с Яной следовали за ним – вид у их старшего спутника был такой уверенный, будто он знает, куда нужно идти. Лицо у него стало сосредоточенное, словно в самом деле вспоминает.

– Швед, ты как? В порядке? У тебя лицо такое...

– Я здесь бывал, – с трудом выдавил сквозь стиснутые зубы тот. – Но не помню... Нет, ничего не помню!

Снова загремел КПВТ, уже дальше – наверное, на противоположном краю объекта. Швед обогнул здание и, перешагнув застреленного кочевника, свернул налево, вдоль глухой стены. Этот проход был узкий, метра три шириной, и с обеих сторон – бетонные стены без окон. На противоположном его конце лежал человек в камуфляже, и можно было надеяться, что армейцев больше не встретится. Следом увязались двое бойцов Черного Рынка, но они присели над мертвецом. Теперь, когда рядом не было чужаков, Швед смог заговорить спокойнее:

– Нам туда нужно, с тем зданием что-то связано...

– Какое здание? – быстро спросил Алекс.

– Там, за поворотом. Нужно быстрее, пока кочевники преследуют армейцев. Они должны догнать их и убедиться, что возрожденцы не забрали ничего важного. А я надеюсь, так и есть. Не было у вояк времени на серьезный обыск. И у нас нет. Быстро нужно действовать, пока идет погоня.

Перед зданием, к которому привел Швед, топтались двое рыночных. На армейцев бродяги никак не походили, и их появление кочевников не встревожило. А вот впустить незнакомых соратников они отказались.

– Это наше! – заявил один. – И все, что внутри, тоже наше!

– А вы проходите, – поддакнул другой.

– Это чего нам проходить? – вдруг выпалила Яна. – Мы там с армейцами бились, пока вы тут...

Алекс дернул ее за рукав, девушка осеклась и поглядела на него:

– А чего?

Швед остановился и задумчиво уставился часовых. Потом спросил:

– Вы из клана Котла?

– Ага, точно!

– Тогда ладно, – Швед развел руками. – Котла мы уважаем. Раз говорите – ваша добыча, так значит ваша.

Алекс заметил, что Швед едва заметно встряхивает рукой и догадался, что сейчас из рукава в ладонь соскальзывает нож. Рядом раздавались голоса – те, кто обыскивали убитого кочевника, уже прошли узким простенком и теперь выворачивали карманы армейца, который лежал возле угла здания. Они были увлечены, но в любой миг кто-то из них мог глянуть в эту сторону.

– Хватит болтать! – прикрикнул он на Шведа. – Идем на склад! Вон там, на том конце базы склад, там добычей разживемся! Дом с желтой дверью, помнишь? Идем, пока толпа не налетела!

Мародеры, возившиеся над трупом армейца и обернувшиеся на крик Алекса, дружно, как по команде, устремились в указанную сторону. Алекс и сам сделал вид, что спешит. Спутникам ничего другого не оставалось, кроме как побежать за ним. Охранники Котла переглянулись и тоскливо вздохнули.

– Скорей! – громко прикрикнул на своих Алекс. – Может, там армейцы не все выгребли, и нам что-то осталось! На этих заброшенных базах иногда такое попадает, закачаешься! Только бы успеть!

Они забежали за угол и переждали, пока протопает компания мародеров. Потом Алекс осторожно выглянул – так и есть, часовые спорят, поминутно тыча пальцами вдоль простенка, туда, где скрылись их товарищи. Спор вышел недолгий, кочевники не устояли перед соблазном и побежали искать желтую дверь.

Едва дождавшись, пока охранники скроются, троица поспешила к входу в здание. Дверь была заперта, что позволяло надеяться: военные сюда не добрались. Швед подергал дверную ручку, петли захрустели, посыпались кусочки ржавчины.

– Гранатой не хочется, – задумчиво протянул Швед.

Яна отпихнула его и присела перед замком. Она уже успела достать

несколько проволочных стержней и сейчас, зажав их зубами, разглядывала замок. Выбрала инструмент, сунула в отверстие и принялась нащупывать что-то в глубине механизма. Глядела она при этом в сторону и глаза были ужасно задумчивые.

– Му-гу, – наконец промычала девушка. Говорить разборчиво ей мешали стержни во рту. – Фифяс.

Она запустила в замочную скважину другую проволоку, потолще, что-то внутри придавила, проволока с легким скрежетом скользнула по металлу...

– Варжавело, – недовольно выговорила Яна, медленно поворачивая проволоку.

– Заржавело?

– Му-гу.

Перехватив стержни одной рукой, она сунула в замочную скважину третью проволоку... помотала отрицательно головой и вытащила. Алекс взирал на ее действия с некоторым трепетом – Яна трудилась вдохновенно, как какой-нибудь поэт или художник, о которых писали в очень хороших книгах. Шведа же волновало совсем другое, он нервно оглядывался и не убирал палец со спускового крючка. Беспокоился, не нагрянут ли кочевники. Стрельба еще не смолкла – части армейцев удалось вырваться из бетонного лабиринта, и где-то в отдалении бой все еще продолжался. Но замок щелкнул, и Яна, выплюнув отмычки в ладонь, шмыгнула в приоткрывшийся проход – просочилась, как будто капля жидкости сквозь щель. Алексу, чтобы последовать за ней, пришлось распахнуть дверь вдвое, а то и втрое шире. Удивительно гибкая девчонка!

Внутри было темно, в полосе света, проникающей через вход, Алекс успел разглядеть голые бетонные стены и пол, потом Швед захлопнул дверь и щелкнул замком. Яна вытащила фонарик, тонкий луч скользнул по пустому помещению.

– А ведь здесь ничего нет, – отметил Алекс. – Как будто, бросая это помещение, успели аккуратно собрать шмотки. Яна, посвети-ка...

Он двинулся в темноту, луч фонаря следовал за ним. Алекс подобрал с пола разбросанные бумаги, склонился с ними к фонарику и жадно впился глазами. И тут же на глаза попала знакомая эмблема вверху страницы – латинская буква «V», перечеркнутая зигзагом

молнии.

– Я всегда удивлялась, – заговорила Яна, – почему в заброшенных зданиях так много пыли? Дверь закрыта плотно, даже заперта Лес знает, сколько лет. Окон нет. Откуда пыль?

– Я тоже об этом подумал, – буркнул Швед. – Я о многом таком думаю. Пыль – это океанская соль. Вода в океанах – это кровь Имира, значит, океаны должны усыхать. Он же просыхается, собирает себя заново, кровь свою тянет. Вода уходит, соль остается. Значит, больше соли должно в воздухе быть, больше пыли.

– Но дверь-то закрыта, – заспорила Яна, – как же пыль сюда попала? Пусть ее много, но сюда – как?

Алекс их не слушал – он читал. А во время чтения он словно пропал из этого мира и переносился куда-то в другое место. Пусть даже это была не книга, а сухие официальные записи, как сейчас. Яна лениво препиралась со Шведом, настаивала на том, что пыль не могла попасть сквозь запертую дверь... Швед бурчал о мертвом великане... а Алекс читал и не слышал ни слова из их никчемного спора. Наконец он объявил:

– Это место называется КИБО-4. Комплекс по исследованию биологических образцов номер четыре, сокращенно КИБО-4. Его эвакуировали еще до Пандемии. Во всяком случае, начали до того. Ага, вот... Начало эвакуации – май 2018 года. Поэтапный вывоз... Завершение – октябрь 2021.

– А между этими датами как раз и был пик болезни, – вспомнила Яна. – Не успели, думаю, все вывезти, однако здесь я ничего не вижу.

– М-да, и план эвакуации бросили. Это же документ! Тут и пометка «Совершенно секретно»... Разве такие документы бросают на пол?

– А почему нет? – девушка пожалала плечами. – Это ты с бумажками носишься, а нормальным людям на них плевать. А почему эвакуировали? Такая база мощная...

– Эксперимент потребовал. Не знаю, чем они здесь занимались, но... сейчас... – он отыскал на странице нужное место и стал читать, – «в связи с переходом эксперимента в решающую стадию, руководство сочло необходимым продолжать исследования в лаборатории КИБО-3, где имеется соответствующее оборудование и полигон».

– Полигон? – Яна нахмурилась. – Для чего им полигон?

Швед неожиданно быстро шагнул к ней, выхватил из руки фонарик.

– Эй-эй! – пискнула Яна. – Ты чего? Куда?

Швед не слушал, он устремился в угол, а когда поднес свет поближе, стало видно, что там довольно широкая ниша, в которой темнеет прямоугольный проем – спуск куда-то в подвал. Швед исчез в проеме, луч фонаря он направил вниз, на лестницу. В помещении стало темно.

– Опять подземелье, Лес его заberi... – пробормотал Алекс. – Да что ж мне так на подземелья везет в последние дни?

Но делать нечего, пришлось спускаться следом. Не торчать же в темноте! Когда они с Яной сошли по лестнице в подземный этаж, Швед стоял посредине и водил фонарем вправо и влево, разглядывая низкий широкий зал. Прямоугольный участок вдоль стены был отгорожен стальной сеткой, натянутой на толстенные прутья. На полу виднелись отверстия для крепежа какого-то громоздкого оборудования. Сейчас не осталось ничего, кроме стальной сетки да груды всевозможного хлама в углу.

– Обезьяны, – вдруг громко и отчетливо произнес Швед.

Алекс с тревогой поглядел на него: не начнется ли новый приступ? На всякий случай он попятился и потянул за собой Яну. Но Швед помотал головой, его плечи поникли. Он уже приходил в себя.

– Ты как? Нормально? – спросил Алекс. – Что-то вспомнил?

– Я был здесь раньше.

– А... зачем? Что тебе здесь делать? Это какой-то секретный объект. Решетки, сетки... Аппаратура здесь стояла, вон, видишь, крепежные отверстия? Проводка была протянута, вот и хомуты остались, которыми кабели стягивали... Что здесь делать медиевисту? Специалисту по древней Скандинавии?

– Не знаю, не знаю... Я ничего не помню, но это место! Я уверен, что был здесь раньше! Я вспомнил, что спуск в углу!

Швед обернулся и устало покачал головой.

– Ничего не могу сообразить. Знаешь, Леха, так тяжело! Это как фантомная боль, когда ногу отрезали, а она болит. Так вот и у меня, не помню, что со мной было и кто я, – а все равно гложет прошлое. Что-то такое было у меня в прошлом... что-то недоделанное, неза-

конченное что-то. Важное, чего я не успел. Должен был сделать, но не сделал! И мне больно думать об этом.

Поток жалоб прервал глухой взрыв над головой. Бетонный потолок едва ощутимо дрогнул, и гулкое эхо пошло гулять по пустому залу. Швед погасил фонарик, сразу подобрался и бросился к лестнице. От растерянности не осталось и следа.

– Замок гранатой выбили, – тихо бросила Яна, – грубо, грубо работают!

Троица собралась у лестницы, но подниматься было уже поздно – наверху раздавались голоса. Кочевники, управившись с дверью, уже заглянули в зал этажом выше и обменивались впечатлениями.

– Пусто...

– Да, глухой номер... а может, это не тот дом, Котел?

– Тот, гляди, – зашуршала бумага. – Вот он, план, видишь отметку? Сам Хан рисовал, он не ошибается!

– Не, не тот! Хан правильно нарисовал, но это другой дом! В соседнем посмотреть надо, а здесь все без нас вынесли! Вон пылица какая!

– И соседние проверим тоже. Если ничего не найду, вернусь сюда и осмотрю получше. Ты, Лимон, оставайся, присмотри, чтобы не лез никто. Если сунутся, скажешь: я велел не входить. Ведь оставил же двоих, чтобы стерегли, и где они? Ну, поймаю этих двух бакланов, я им... Значит, так, Лимон. Если слиняешь, я тебе зубы выбью, понял?

– Да я... Котел, слышишь? Я вот спросить хотел, на кой это Хану? Старье это?

Наверху зашуршало, что-то хлопнуло, шмякнулось что-то мягкое.

– Эй, ты чего?

– Иди ты Лесом, Лимон, понял? Хан знает, что ему нужно, а я не хочу даже думать про это. Нам не надо такого знать. Хан не терпит, если кто в его тайны нос сует. Еще раз спросишь, и я...

– Да я что? Я молчу. Федот, иди сюда. Со мной побудешь здесь.

– Вот и правильно, – это снова атаман. – Вдвоем будете стеречь. Отсюда ни ногой. Если я вернусь, а вас здесь не окажется, изувечу. А тех двоих... охранники, Лес их заberi! ну, я им еще покажу!

Котел явно был недоволен. Он рассчитывал на добычу, на награду от Хана, а в помещении нашлась только пыль. Удаляющийся топот и

голоса... потом молчание нарушил Лимон.

– Совсем озверел вожак... То ему не так, это не этак... и слова уже не скажи!

– Такое дело командирское, – флегматично заметил второй кочевник, Федот. – А вот ты меня подставил, Ляма. Сейчас все добычу ищут, всякие интересные штуки, армейцев дохлых обирают... а я с тобой здесь торчу. И кто тебя за язык тянул? Зачем ты меня напарником взял?

– Ничего, постоишь здесь со мной, целее будешь. Котел сейчас злой – будешь рядом с ним, еще огребешь по зубам. А я не трону. – Лимон захохотал.

– Смейся, смейся... Скучно здесь! Я загляну внутрь, а?

– Тебе что сказали? Стоять и не рыпаться. И потом, внутри одна пыль. И темнота.

– А у меня фонарик есть. Я не буду ничего брать, только посмотрю.

В помещении над лестницей мелькнул луч света. Потом снова – Федот водил фонариком, разглядывая заброшенный зал. Потом позвал напарника:

– Ляма, глянь! Здесь следы! Свежие, чтоб меня Лес взял! Свежие следы!

– Опа... Значит, кто-то нас опередил? Кто ж, когда? Замок-то заперт был, я его гранатой вышибал. Как это может быть, чтобы в запертую зверь кто-то вошел?

– А это возрожденцы, – догадался смекалистый Федот, – больше некому! У них ключ был! Они вошли, увидели, что пусто, и свалили.

– А если не свалили? – с тревогой произнес Лимон. – А если сидят где-то здесь и нас слушают? А ну-ка...

Лязгнул металл – Ляма приготовил оружие.

– Да нет, – уверенно возразил Федот. – Стали бы они в запертом доме с такой пылицей сидеть! Заглянули, посмотрели и ушли.

– И дверь заперли?

– А что? И дверь заперли.

– Вот ты стал бы на их месте запирать? Ключ у них – ну ладно, пусть. Отперли, увидели, что ничего нет. Что бы ты дальше делал? Выбросил ключ, да и ходу.

– Так то я! А у возрожденцев все строго! Где отпер, там запри. Где

помер, там лежи! Гы-гы... Чтобы порядок был!

– Тоже верно...

Алекс представил себе, как кочевники с тревогой вглядываются в следы на пыльном полу и никак не могут решить, что им делать, искать затаившихся армейцев или плюнуть на все и забыть о подозрениях?

– Знаешь, что? – решился наконец Лимон. – Идем, проверим, что там дальше?

Над головой зашаркали шаги – кочевники медленно шагали вдоль цепочки следов, оставленных в пыли. Федот рассуждал, что следы разные, есть побольше, есть поменьше.

– А вот совсем маленький! Дите, что ли? Или уродство какое-то? Разве мелких в Армию Возрождения берут?

Яна, слушая, как обсуждают ее размер ноги, погрозила кулаком потолку и едва слышно прошипела: «Сам ты уродство!».

– Берут, берут, – бодро заверил Федот. – Сейчас и совсем малолетних вербуют. Чтобы воспитать в духе возрождения. И чего Хан тянет... ударили бы по их базам, разнесли в пыль!

– Ты, что ли, разносить будешь? У них пока что сила. Видел броник? Ну и другой техники пока что хватает. Нет, Хан верно делает. Мы еще им покажем. Не сегодня, а чуток погодя. О, гляди! Все следы в угол идут! Там же нет ничего. А ну, посвети!

Швед ухватил Алекса за рукав и увлек под лестницу, в темный закуток. Обернувшись, шепотом позвал:

– Яна!

Девушка отрицательно помотала головой и, отступив вдоль сетки, растаяла в темноте. «За грудой хлама спрячется, – решил Алекс, – она мелкая, ей там места хватит». Кочевники встали над спуском в подвал и долго светили фонариком. Луч света облизывал ступени, и Алекс хорошо представлял себе, какие мысли сейчас ворочаются в головах Лимона и Федота.

– Пойдем к выходу, а? – попросил Федот. – Не нравится мне это место, стремное какое-то.

– Не-е... – протянул в ответ Ляма, – проверить надо, а вдруг там что-нибудь интересное? Армейцы неспроста сразу в подвал сунулись. Я посмотрел, след сюда сворачивает, а у выхода наверху пыль

не потревожена. Значит, что-то здесь было такое, из-за чего они головы подставляли.

– А Котел сказал...

– А Котел не узнает, что мы в подвал лазили, если ты ему не скажешь.

– Ну...

– Вот тебе и «ну». Я вперед иду, а ты чуток сзади. И по сторонам поглядывай.

– По каким еще сторонам? Фонарик-то один, тот, что у тебя!

Швед замер под лестницей, и Алекс догадался, что тот хочет сделать – скинуть идущих по ступеням над его головой кочевников – тогда и стрелять не придется. Поняв замысел Шведа, он сместился на другую сторону лестницы и тоже приготовился.

Федот с Лямой шли медленно, осторожно нащупывая ступени сапогами. Под ноги они не глядели, луч фонаря скользил из стороны в сторону, обшаривая пустой подвал, перегороженный сеткой. Значит, и кочевники вертят головами вслед за движением светового пятна. Лимону что-то не понравилось, и он остановился. Тут же замер и второй кочевник. Швед начал вытягивать руку, но так и не закончил движения – луч света метнулся под ноги Лимону, кочевник сообразил, что под лестницей может быть пустота, удобное местечко, чтобы спрятаться.

И тут из дальнего конца зала прозвучало:

– Ой, мальчики! Здравствуйте!

Луч света сместился на голос, кочевники вскинули автоматы. Алекс приготовился броситься из засады – и будь что будет! Ведь они же сейчас стрелять в Яну будут! Вот дуреха, и зачем только это учудила! Напоследок он бросил взгляд на грудку мусора, за которой пряталась Яна. Девушка медленно поднялась... и вот тут Алекс ощутил, что означает слово «изумление», которое сейчас никто не использовал и которое можно прочесть разве что в забытых книгах. Фигура Яны удивительным образом изменилась – под курткой округлился шикарный бюст, да так округлился, что, казалось, сейчас посыплотся пуговицы со старой одежды, которая оказалась не готова к этой перемене – так же, как и Алекс.

Кто-то из кочевников над головой гулко сглотнул слюну – от это-

го звука, кажется, даже эхо пошло гулять под пыльными сводами... Луч фонарика больше не двигался, он уперся в Яну и только мелко подрагивал.

– Ну что же вы, мальчики? – томно улыбнулась Яна. – Не стойте там, проходите!

Она взялась за верхнюю пуговицу и легонько потянула. Тут Швед ухватил за ногу стоявшего ближе к входу Федота и мощным рывком опрокинул кочевника. Алекс попытался проделать то же самое, но именно в это мгновение Ляма решился бежать к прекрасной незнакомке и делал первый шаг. Алекс рванул не за ногу, а за свисавший ремень «калаша». Лимон качнулся вслед за оружием, на него свалился Федот, вся куча с рычанием, грохотом и лязгом скатилась по ступеням. Швед подскочил к вяло шевелящимся телам, заноса нож, но его вмешательство не требовалось – один из кочевников лежал неподвижно, другой вяло ворочался, но явно был оглушен. Яна подбежала к лестнице, на ходу вытягивая из-под куртки свернутый рюкзак.

– Что? Готовы? Оба? Может, допросим, когда в себя придут?

– Некогда, – бросил Швед, склоняясь над бесчувственными телами.

Он вытряхнул кочевника из куртки и протянул ее Яне:

– Надень! Ремнем перетяни, а то вида нет. Теперь идем.

– Зачем мне это барахло? – Яна на ходу торопливо подворачивала рукава и расправляла многочисленные складки.

– Хоть немного больше будешь казаться. Ты как вскочила там в углу, меня сразу осенило: тебе объема не хватает, пигалица! Ну, как бы это сказать... размера...

Швед поднял было сложенные в горсть ладони перед грудью, чтобы показать, какого именно объема не хватает Яне, но поймал ее сердитый взгляд и торопливо опустил руки.

– В общем, теперь лучше.

Яна уставилась на него, явно готовя язвительную отповедь, но Швед уже обратился к Алексу:

– Леха, ты те бумаги не выбросил? Про эвакуацию лаборатории?

– Смеешься? Я? Выбросил?

– Ну да, конечно... Тебе же бумажки дороже жизни, ни за что с

ними не расстанешься. Так береги эти листки, я потом посмотрю, что там.

Яна первой выглянула за дверь, и бросила через плечо:

– Чисто. Можно уматывать.

– И чем быстрее, тем лучше, – добавил Алекс.

Они выскочили в узкий простенок.

– Спокойно, – осадил младших спутников Швед. – Без суеты, спокойно бредем, медленно. Мы здесь среди своих.

Он сам показал пример, шагая неторопливо и с ленцой. Когда они вышли из тесноты на широкое пространство между рядами зданий, там было полно кочевников, не меньше двух десятков. И все двигались расслабленно и неспешно – именно так, как Швед. Заглядывали в заброшенные здания, выходили на свет, рассматривая какие-то находки, тут же обменивались трофеями, перебрасывались шутками.

Троица влилась в это хаотичное движение, они пробирались к окраине, чтобы, не привлекая внимание рыночных, покинуть объект. Из-за угла навстречу вывалила компания, человек восемь кочевников. Среди них выделялся пузатый мужик, похоже атаман. Особенно примечательной была его голова – непропорционально крупная, с большой лысиной, окруженной венчиком курчавых черных волос. Плащ на мужике распахнут на груди, обширная талия перетянута широким ремнем, справа и слева висело по кобуре. При каждом шаге позвякивали украшающие его костюм металлические черепа на цепочках. Их кочевник навесил где только можно.

Яна дернула Алекса за рукав и шепнула:

– Это и есть Котел. Что-то не нравится мне, как он в нашу сторону глядит. Может, куртку мою узнал?

– А может, ты его тоже обокрала?

– Нет, его – точно нет. У таких братья я брезгую.

– Идем спокойно, – напомнил Швед. – Он нас не знает, мы его не знаем.

Яна уставилась в сторону, но нет-нет да и косилась на атамана. Тот шагал окруженный членами клана, что-то им объяснял и в самом деле не спускал глаз с троицы чужаков. Тут с дальнего конца огороженного объекта – как раз оттуда, куда держал путь Швед, – прибыла шестерка лошадей, впряженных попарно. Лошади тащили подбитый

БТР. На башне бронемашины, широко расставив ноги, сидел кочевник в распахнутой жилетке и, размахивая флягой, горланил песню:

... Не ходи, сынок, до Лесу
Плакала маманя,
Нет, туда я не полезу,
Что я, мама, крайний?..

За БТРом, тяжело катящим на изодранных гранатными осколками шинах, валила толпа. Некоторые подпевали, остальные просто орали и ржали. Процессия отделила Алекса с друзьями от Котла, но тот по-прежнему пялился в их сторону, высматривал из-за бредущих позади БТРа кочевников. Потом обернулся и что-то приказал. К нему подволокли расхристанного бойца с подбитым глазом. Котел о чем-то спросил, указывая рукой на чужаков. Избитый торопливо закивал. Алекс узнал в нем одного из часовых, которых он сманил искать несуществующий склад с желтой дверью.

– Швед, плохо дело! Смотри, там...

– Вижу, – спокойно отозвался Швед. – Спокойно доходим до угла и исчезаем. А пока вокруг толпа, не дергаться. Ясно?

Пройти оставалось совсем немного, когда Котел повернул в их сторону, его люди шагали гурьбой за ним. Шествие с БТРом их задержало. Котел попытался оттолкнуть с дороги встречных, те были не из его клана и заорали в ответ угрозы и ругательства. Началась перепалка, вскоре переросшая в свалку. Алекс увидел, как Котел набычился и попер напролом. Кого-то ударил своей здоровенной башкой в грудь, другого свалил ударом кулака. Сбитые им с ног подняли крик, стали звать товарищей, с ними сцепились кочевники из клана Котла. БТР уже прокатил с дороги атамана, Котел распихал оставшихся на пути рыночных... но Швед, а за ним и Алекс с Яной уже свернули за угол.

Едва толпа с ее гвалтом и шумом скрылась из виду, Яна тут же попыталась перейти на бег. Швед хватил ее за складки чересчур широкой крутки на спине и остановил:

– Куда? Кочевники везде! Куда ты бежать наладилась?

– А как же? Ай!

Швед подхватил не ожидавшую ничего подобного Яну в охапку и подбросил, помогая взобраться на крышу. Потом сцепил руки в замок и кивнул Алексу. Тот уже сообразил, в чем заключается план, и при помощи Шведа вскарабкался наверх. Секундой позже он уже из всех сил подтягивал к себе Шведа. И когда Котел с толпой соратников показался из-за угла, под стеной никого не было. Атаман стал орать, разослал людей в разные стороны... Тряс кулаком, грозился, что всем морды поразбивает... Наконец убрался и он.

Алекс огляделся – прямоугольная крыша была пуста. Как говорится, глазу не за что зацепиться. Из предосторожности трое беглецов лежали – так их снизу заметить невозможно, прикрывают полуметровые бортики.

– До темноты здесь посидим, – объявил Швед. – Ночью слиняем по-тихому.

Яна легла на спину, заложила ладони за голову и уставилась в небо.

– До темноты здесь торчать? Скучно с тобой, Швед. Я думала, веселее окажется, когда в вашу компанию напросилась.

– Ничего, потерпи, дальше будет веселее, – заверил ее Алекс.

– Нет, ну правда! Я думала, секретная лаборатория, там всякие штучки, всякие приборчики, научная лабуда. Я очень люблю в такие места забираться, всегда можно что-то интересное отыскать. Пришли – а отсюда все вывезли. Это как подшустришь, бывало, подсуетишься... в чужой карман сунешь руку, а там пусто. Обидно же! Я думала, мы теперь будем следующее место проверять. Вдруг там что-то ценное? Или хотя бы интересное?

– Там важное, – задумчиво произнес Швед, – память моя.

– Ну, пусть важное, – Яна приподнялась и оглядела поверх бортов кровли захваченный Черным Рынком объект. – Пусть так! Все равно нужно спешить, скорее туда отправляться. А мы тут сидим, как прилипшие!

А вокруг здания шумели кочевники. Они ничего не нашли, награду Хана никто не заслужил... но рыночные не унывали. Подкатили телеги с припасами, по рукам пошли бутылки и фляги. Там никто не жаловался на скуку.

– Здесь должна быть пожарная лестница, – заметил Алекс. – А, вон, в дальнем углу. Как бы не взобрался кто-нибудь.

– Чего это? – удивилась Яна. – Им и в голову не придет. Вверх никто никогда не смотрит, уж я-то знаю! Сколько раз на крышах или на деревьях пряталась.

– Да, современный человек вверх не глядит, больше под ноги.

Яна подцепила пальцами пробившийся сквозь бетон зеленый побег и выдернула его.

– С Лесом воюешь? – спросил Швед. – Самое человеческое занятие... Леха, дай эти бумаги, из лаборатории. Как раз время их поглядеть, все равно заняться нечем. Так, так... КИБО-4, комплекс по исследованию биологических образцов... Чем же они здесь занимались? В связи... так-так... да, они переехали в КИБО-3, где есть полигон. Где ж его искать, этот КИБО-3?..

Неподалеку подняли крик. Кто-то стрелял, десяток голосов возмущенно орали... Алекс подобрался к бетонному бортику и выглянул. Один из кочевников, должно быть, спьяну, начал палить в воздух, его никак не могли унять. Рядом трое рыночных, усевшись на расстеленной плащ-палатке, азартно резались в карты и не обращали внимания на поднявшуюся суматоху. Чуть дальше трое о чем-то спорили, размахивая руками. В одном из них Алекс узнал Котла и предположил, что это совещаются предводители кланов Черного Рынка, участвовавших в штурме КИБО-4. Мимо них прокатил мотоцикл, обдав атаманов клубом серого дыма...

– Я надеялся, что они сами уйдут после боя, – заявил Алекс. – Но, похоже, кочевники здесь решили задержаться. Интересно, что им Хан приказал? Почему такой интерес к «Вектору» одновременно и у армейцев, и у Черного Рынка?

Швед свернул бумаги и протянул Алексу.

– Я так полагаю, – в своей обычной неторопливой манере начал он, – Хану это все было без интереса. Он что-то знал насчет этих КИБО, но не слишком интересовался. А вот когда армейцы зашевелились, тут и он обеспокоился.

– Почему? – встряла Яна.

– Значит, было здесь что-то, что армейцы могут использовать против него. Сам он этого для себя не хотел, но и армейцам не позволит это заполучить. Поэтому, когда узнал, что зондеркоманды Армии

Возрождения отправились на объекты, приказал их перехватить, и все, что найдется подозрительного, доставить ему. Чтобы армейцам не досталось. Алекс, помнишь, что Батяка говорил? Что Хан, мол, велел привезти в Гуляй-Поле, а он разберется.

– Да, были такие слова, – пробормотал Алекс. Он снова просматривал листки, которые вернул ему Швед.

– Ну а теперь поспать самое время, – подвел итог Швед. – Вечером оглядимся, да и будем уходить.

– Погоди-ка! – заявил Алекс. – Здесь есть порядок эвакуации.

– И что? – отозвалась Яна. – Если все вывезли...

– А может, не все? Мы же видели, что эвакуация пришлась как раз на момент распространения заразы. Пандемия была в разгаре. Вдруг последние этапы эвакуации не успели провести? Или выполняли наспех, что-нибудь бросили. Лаборатория, в которой мы побывали, как раз одна из первых в списке.

– А последнее что?

– Канцелярия, – Алекс улыбнулся, – бумажки. Интересно, где у них была канцелярия?

Яна закатила глаза и задумалась. Алекс с улыбкой наблюдал за ней – что она может знать о расположении служб в научном центре?

– Сейчас... посмотрим...

Яна привстала, оглядывая крыши бетонных зданий поверх бортика. Потом уверенно ткнула рукой:

– ...Вон там! Смотрите, вокруг здания белеет, видите? Это бумаги! Кочевники их вынесли на свет, чтобы разглядеть, решили, что не интересно, да и бросили.

Алекс поглядел, куда она тычет, и заметил:

– Эх, покопаться бы там... Может, найдутся какие-то зацепки. Хотя бы намек, куда отсюда перенесли исследования!

– Так и сделаем, – решил Швед. – Прежде чем свалить окончательно, наведаемся к этому строению. Рисковать не будем, но разбросанные бумаги попробуем поглядеть. Только этой ночью отсюда нужно смыться, это точно.